

VALIS

ФИЛИП К. ДИК

ТРАНСМИГРАЦИЯ
ТИМОТИ АРЧЕРА

**PHILIP
K. DICK**

Валис

Филип Киндред Дик

Трансмиграция Тимоти Арчера

«ЭКСМО»

1982

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Дик Ф.

Трансмиграция Тимоти Арчера / Ф. Дик — «Эксмо»,
1982 — (Валис)

ISBN 978-5-04-184338-0

Премия альманаха «Гигамеш». Номинация на премию «Небьюла». Финалист премии «Локус». Номинация на премию SFinks. Епископ Тимоти Арчер узнает о расшифровке таинственных Кумранских рукописей, или свитков Мертвого моря. Часть раннехристианских и гностических манускриптов гласят об Учителе, который жил за 200 лет до Рождества Христова. Арчер начинает сомневаться в основах своей веры и отправляется на поиски ответов в Иудейскую пустыню. Что ждет его там — смерть или трансмиграция души? Это одна из самых философских и реалистичных книг Филипа К. Дика. Она посвящена тайне религии и веры. Будучи фактически последней книгой автора, она дает уникальное представление о работе ума гениального фантаста, находящегося в расцвете своей духовной и писательской зрелости. «Последняя книга мастера, сменившего стиль, тон и темп повествования, тем не менее оставшегося столь же блестящим и захватывающим». — Shear Thru / Брюс Стерлинг «Ставки в этой книге — надежда и здравомыслие. Дик побеждает. Настало время, чтобы рецензенты и критики обратили внимание на этого неуловимого и несравненного художника». — Урсула Ле Гуин «Это его последние мысли о жизни, это важная работа, которую стоит прочитать». — fantasyliterature.com «Жуткая и великолепная книга». — Washington Post

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-184338-0

© Дик Ф., 1982

© Эксмо, 1982

Содержание

1	7
2	12
3	21
4	32
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Филип К. Дик

Трансмиграция Тимоти Арчера

© Д. Попов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ОДА БЕНУ ДЖОНСОНУ

Ах, Бен!
Без перемен
Сидеть б в гостях
Нам на твоих пирах,
Что были в «Сан»,
В тавернах «Дог» и «Танн»,
Где славный наш союз
Мятежно избавлял от уз,
А стих твой все равно
Превосходил и пищу, и вино.
Мой Бен,
Страхни свой тлен.
Даруй ум нам,
Блистал которым сам,
И научи,
Как вдруг не расточить
Сей ценный дар напрасно,
Использовать с рассудком ясным:
Ведь мудрости такой
Не будет боле в жизни всей земной.

Роберт Геррик, 1648 г.

1

Бэрфут проводит семинары в своем плавучем доме в Сосалито. Понять, почему мы на этой Земле, стоит сотню долларов. Также вам дают бутерброд, но в тот день есть мне не хотелось. Только что был убит Джон Леннон, и я думаю, что знаю, почему мы на этой Земле: узнать, что вы лишитесь того, что любите больше всего, возможно, всего лишь из-за ошибки в высших сферах, нежели по умыслу.

Поставив свою «хонду цивик» у паркомата, я сидела и слушала радио. На каждой частоте уже можно было услышать все песни «Beatles», когда-либо ими написанные. Вот дерьмо, подумала я. Как будто я вернулась в шестидесятые и все еще замужем за Джефферсоном Арчером.

– Где здесь пятые ворота? – спросила я двух проходивших мимо хиппи.

Они не ответили. Я подумала, слышали ли они новость о Джоне Ленноне. Потом я подумала, какого черта меня волнует арабский мистицизм, суфии и вся та прочая фигня, о которой Эдгар Бэрфут рассказывает в своей еженедельной радиопрограмме на КПФА ¹ в Беркли. Суфии – счастливчики. Они учат, что сущность Бога не в могуществе, мудрости или любви, но в красоте. Это совершенно новое представление для мира, неизвестное иудеям и христианам. Как и мне. Я все так же работаю в магазине «Мьюзик» на Телеграф-авеню в Беркли и пытаюсь расплатиться за дом, который Джефф и я купили, когда были женаты. Я получила дом, а Джефф – ничего. Такова была история его жизни.

Кто же в здравом уме будет интересоваться арабским мистицизмом, спрашивала я себя, запирая «хонду» и направляясь к ряду лодок. Особенно в погожий денек. Но, бл..., я уже проехала по мосту Ричардсона в Ричмонде, этой безвкусице, а затем мимо нефтеперерабатывающих заводов. Залив прекрасен. Полиция следит за вами на мосту Ричардсона: они засекают, когда вы вносите плату за проезд и когда съезжаете с моста на стороне Марина. Если вы оказываетесь в округе Марин слишком быстро, вам приходится изрядно раскошелиться.

Меня никогда не волновали «Beatles». Джефф как-то принес домой их альбом «Резиновая душа», и я сказала ему, что он скучен. Наш брак разваливался, и началом этого я считаю прослушивание «Мишель» миллиард раз, день за днем. Полагаю, это было где-то в 1966-м. Многие в районе залива датируют события в своей жизни выходом альбомов «Beatles». Первый сольник Пола Маккартни был издан за год до того, как мы с Джеффом расстались. Когда я слышу «Пижона», я начинаю плакать. То был год, когда я жила в нашем доме одна. Не делайте этого. Не живите в одиночестве. Вплоть до самой смерти Джефф продолжал антивоенную деятельность, чтобы оставаться с людьми. Я ушла и слушала по КПФА барочную музыку, которую лучше бы так и оставили позабытой.

Так я впервые и услышала Эдгара Бэрфута, который поначалу произвел на меня впечатление придурка со слабым голосом и тоном безмерного наслаждения собственной мозговой деятельностью, радующегося как двухлетний ребенок при каждом последующем сатори ². Судя по всему, в районе залива я была единственным человеком, кто так его воспринял. Позже я изменила свой взгляд: КПФА начали передавать записанные лекции Бэрфута поздно вечером, и я порой их слушала, пытаюсь заснуть. В полудреме весь этот монотонный речитатив наполняется смыслом. Как-то несколько человек объяснили мне, что подобные действующие на подсознание послания были внесены во все передачи, транслировавшиеся в районе залива где-то в 1973-м – почти наверняка марсианами. Послание, полученное мною при прослушивании Бэрфута, представляло собой следующее: в действительности вы хороший человек и вам не следует позволять кому-то другому решать за вас. Как бы то ни было, по проше-

¹ Финансируемая слушателями FM-радиостанция в Беркли.

² Просветление в дзен-буддизме.

ствии времени засыпать мне удавалось все легче и легче. Я позабыла Джеффа и тот свет, что исчез с его смертью, за исключением происшествий, время от времени врывавшихся в бытие моей души, обычно касавшихся какого-нибудь кризиса в Кооперативе на Университи-авеню. Джефф раньше ввязывался в заварушки в Кооперативе. Я считала это смешным.

И теперь, осознала я, подходя к трапу на миленький плавучий дом Эдгара Бэрфута, я буду соотносить свою поездку на этот семинар с убийством Джона Леннона: эти два события для меня – одно целое. Хотя это не способ начать осмысление, решила я. Вернуться бы домой да раскурить косячок. Забыть этот нудящий голос образованности. Настало время пушек. Образованный или нет, вы ничего не можете поделать. Вы – продавец пластинок со степенью по гуманитарным наукам, полученной в Калифорнийском университете. «Добро утратило убеждения»... Что-то вроде этого. «Что ныне зверь... ползет в Вифлеем к своему рождеству»³. Тварь горбатая, кошмар мира. У нас была контрольная по Йетсу. Я получила пять с минусом. Я была прилежной. Раньше я могла просидеть на полу весь день, поедая сыр и попивая козье молоко, погрузившись в постижение длинного романа... Я прочла все длинные романы. Я получила образование в Калифорнийском университете. Я живу в Беркли. Я прочла «В поисках утраченного времени»⁴ и ничего из него не помню. Как говорится, вышла из двери, в которую вошла. Мне не принесли пользы все эти годы в библиотеке в ожидании, когда загорится мой номер, означающий, что принесли заказанную книжку к стойке. И наверняка это справедливо для большинства людей.

Но эти годы остаются в моей памяти как славные времена, в которые мы были много сообразительнее, нежели это обычно признается. Мы знали точно, что нам надо делать, – и режиму Никсона пришлось уйти. То, что мы делали, делали осознанно, и никто из нас об этом не жалеет. Теперь Джефф Арчер мертв, а с сегодняшнего дня мертв и Джон Леннон. И другие мертвецы лежат вдоль пути, как будто прошел огромный срок. Быть может, суфии с их убежденностью во врожденной красоте Бога смогут сделать меня счастливой. Быть может, именно поэтому я поднимаюсь по сходням на этот роскошный плавучий дом: осуществляется план, в котором все эти печальные смерти складываются во что-то, а не в ничто, и каким-то образом обращаются в радость.

Худой до ужаса парень, походивший на нашего друга Джо-наркомана, остановил меня:

– Билет?

– Вы имеете в виду это? – Я вытащила из сумочки открытку, которую Бэрфуг прислал мне по получении моей сотни долларов. В Калифорнии вы покупаете образование точно так же, как и горох в супермаркете – по величине и весу. Взвесьте мне, пожалуйста, четыре фунта образования, сказала я себе. Нет, лучше дайте десять. У меня и вправду заканчивается.

– Проходите на корму, – сказал худой.

– Приятно провести вам время, – ответила я.

Впервые увидев Эдгара Бэрфута, хочется сказать: да он ремонтирует коробки передач! Ростом он около пяти-шести футов, и из-за его большого веса создается впечатление, что питается он исключительно калорийной пищей фастфудов – в общем, гамбургерами. Он лыс. Для данной области мира и данного периода развития человеческой цивилизации он одевается совершенно неправильно: носит длинное шерстяное пальто, самые обыкновенные коричневые брюки и синюю хлопковую рубашку... Но вот туфли его как будто дорогие. Не знаю, можно ли назвать эту штуку на его шее галстуком. Возможно, его пытались повесить, а он оказался слишком тяжелым, веревка оборвалась, и он пошел дальше по своим делам. Образование и выживание идут рука об руку, сказала я себе, усаживаясь на дешевый складной стул. Там и сям уже сидели несколько человек, в основном молодые. Мой муж мертв, как и его отец. Любав-

³ Йетс У. Б. Второе пришествие. Перевод А. Сергеева.

⁴ Роман Марселя Пруста.

ница его отца проглотила флакон барбитуратов и теперь в могиле, в вечном сне, каковой и был целью этого поступка. Слон ⁵ вышел из шахматной игры, а с ним и норвежка-блондинка, которую, если верить Джеффу, тот содержал за счет Епископского дискреционного фонда – шахматы и надувательство. Времена сейчас странные, но те были куда страннее.

Эдгар Бэрфут, стоя перед нами, жестом попросил подсесть поближе. Я подумала, что случится, если я закурю сигарету. Однажды я закурила в индуистском монастыре после лекции по Ведам. На меня обрушилось всеобщее презрение плюс резкий тычок в бок. Я оскорбила величественное. Странно, что величественное умирает точно так же, как и обычное. В епископе Тимоти Арчере была уйма величественности – по весу и величине, – и это не принесло ему пользы. Как и остальные, он лежит в земле. К черту все эти духовные штуки. К черту устремления. Он искал Иисуса. Даже больше, он искал то, что предшествовало Иисусу, – настоящую правду. Довольствуйся он подделкой, то до сих пор был бы жив. Есть над чем подумать. Люди помельче, принимая фальшь, остаются жить, чтобы нести ее, они не гибнут в пустыне Мертвого моря. Самый выдающийся епископ современной эпохи погиб, потому что сомневался в Иисусе. Урок для других. Так что, вероятно, у меня есть образование и я знаю то, в чем можно не сомневаться. Также я знаю, что с собой нужно брать больше двух бутылок кока-колы, если едешь в пустыню за десять тысяч миль от дома. Пользуюсь картой с заправочной станции, словно я все еще в центре Сан-Франциско. По ней можно определить местоположение Портсмут-сквер, но отнюдь не местоположение подлинного источника христианства, скрытого от мира двадцатью двумя столетиями.

Вернусь домой и скурю косячок, сказала я себе. Это пустая трата времени. С момента, когда умер Джон Леннон, все стало пустой тратой времени, в том числе и оплакивание этого. Я отказалась от траура в Великий пост... то есть я перестала горевать.

Воздев к нам руки, Бэрфут начал говорить. Я обращала мало внимания на то, что он говорил, да и быстро об этом забыла – как говорится в одном знаменитом выражении ⁶. Я была полнейшей дурой, заплатив сто баксов, чтобы выслушивать это. Человек перед нами был весьма толковым, поскольку сам не отдавал денег – их отдали мы. Вот так и вычисляется мудрость – через тех, кто платит. Это я усвоила. Мне следовало бы научить этому суфиев, а также христиан, особенно епископов епископальной церкви с их фондами. Выложи мне сотню баксов, Тим. Представьте, что епископа называют Тимом. Или Папу Джорджем или Биллом, как ящерицу в «Алисе». Насколько я помню, Билл спускался по дымоходу. Малопонятная связь. Как и то, о чем говорит Бэрфут, на это не обращают внимания, и никто этого не помнит.

– Смерть в жизни, – говорил Бэрфут, – а жизнь в смерти. Две модальности, как Инь и Ян, одного простирающегося континуума. Двухликий «холок» ⁷, как это называл Артур Кестлер. Вы должны постичь двухликого Януса. Одно переходит в другое, как веселый танец. Это бог Кришна танцует в нас и через нас, все мы – Кришна, который, если вы помните, явился в форме времени. Это его настоящий и универсальный образ. Окончательная форма, разрушитель человечества... всего, что существует. – Он блаженно улыбнулся нам.

Подобную чушь, подумала я, стерпят только в районе Залива. К нам обращается двухлетний ребенок. Боже, как все это глупо! Я почувствовала свое давнишнее отвращение, гневное, которое мы культивировали в Беркли, что так нравилось Джеффу. Для него было сущим удовольствием извлекать гнев из любого пустяка. Мое удовольствие – сносить чушь. Платя за это деньги.

⁵ Игра слов: «bishop» означает «епископ» и «слон» в шахматах.

⁶ Имеются в виду слова Авраама Линкольна из речи 19 ноября 1863 г. в Геттисберге, близ которого 1–3 июля 1863 г. состоялось одно из крупнейших сражений Гражданской войны: «Мир обратит мало внимания и быстро забудет, о чем мы здесь говорим, но он никогда не забудет, что они здесь сделали».

⁷ Нечто одновременно являющееся и целым само по себе, и частью чего-то еще.

Я ужасно боюсь смерти, подумала я. Это смерть разрушила меня, а не Кришна, разрушитель человечества. Это смерть – разрушитель моих друзей. Она выбрала их, не потревожив никого другого. Бл...ая смерть, думала я. Ты обрушилась на то, что я люблю. Ты воспользовалась их глупостью и одержала победу. Ты злоупотребляешь глупцами, что по-настоящему плохо. Эмили Дикинсон несла наглуую ложь, когда лепетала о «доброй Смерти»⁸. Какая омерзительная мысль, что смерть добра. Она никогда не видела груды из шести разбившихся машин на магистрали Ист-Шор. Искусство, как и теология, есть расфасованное жульничество. Низы борются, пока я ищу Бога по учебникам. Бог, онтологические аргументы «за». И еще лучше: практические аргументы «против». Такого перечня не существует. А он весьма бы помог, появись вовремя: аргументы «против» глупы – онтологические и эмпирические, древние и современные (поищите здравый смысл). Неприятность получения образования заключается в том, что на это уходит много времени. Оно отбирает лучшую часть вашей жизни, и когда вы заканчиваете, то все, что вы знаете, – это что вы получили бы больше выгод, занявшись банковским делом. Интересно, задаются ли банкиры подобными вопросами. Скорее, они спрашивают, какая на сегодня приходится базовая ставка. И если банкир отправляется в пустыню Мертвого моря, то наверняка берет с собой ракетницу, флягу, паек и нож. Но не распятие, проявляя опрометчивый идиотизм, чтобы помнить о нем. Разрушитель человечества на магистрали Ист-Шор и, кроме того, моих надежд – Кришна, ты получил всех нас. Удачи тебе в других посягательствах! Поскольку они равным образом достойны одобрения в глазах других богов.

Я все надумываю, пришло мне в голову. Эти страсти – чушь. Я выродилась, слоняясь по интеллектуальному обществу района Залива. Я мыслю, как говорю, – напыщенно и загадками. Я не личность, но самоуверенный глас. Даже хуже: я излагаю как слышу. Мусор на входе (как говорят студенты компьютерных наук) – мусор на выходе. Мне следует встать и задать мистеру Бэрфуту какой-нибудь бессмысленный вопрос, а затем отправиться домой, пока он формулирует совершенный ответ. Так он побеждает, а я получаю возможность уйти. Выигрываем мы оба. Ведь он меня не знает, а я не знаю его, за исключением нравоучительного голоса. Он уже бьет рикошетом в моей голове, подумала я, а это только начало, это первая лекция из многих. Нравоучительная болтовня... имя черного слуги семьи Арчеров в какой-нибудь телевизионной комедии положений. «Нравоучительный, давай неси свою черную задницу сюда, слышишь меня?» То, что говорит этот забавный человечек, важно: он обсуждает Кришну и как умирают люди. Это та тема, которую я, основываясь на собственном опыте, считаю значительной. Мне следует ее знать, поскольку она мне близка. Она маячит в прошлых годах моей жизни, и она никуда не исчезнет.

Однажды мы обзавелись старым фермерским домиком. Когда включали тостер, замыкало проводку. В дождь с лампочки на потолке на кухне капала вода. Время от времени Джефф заливал крышу черным гудроном из кофейной жестянки, чтобы она не текла, – мы не могли позволить себе даже тонкой бумаги. От гудрона толку не было. Наш дом вместе с другими подобными располагался в низинной части Беркли, на Сан-Пабло-авеню, близ Дуайт-Уэй. Хорошее заключалось в том, что Джефф и я могли дойти до ресторана «Неудача» и посмотреть на Фреда Хилла, агента КГБ (как утверждали некоторые), стряпавшего салаты, владевшего местом и решавшего, чьи картины можно вывесить на бесплатной выставке. Когда Фред много лет назад приехал в город, все члены партии в районе Залива застыли от страха – то был намек, что поблизости советский наемный убийца. По этому можно было понять, кто являлся членом партии, а кто нет. Страх царил среди посвященных, остальные же беспокойства не проявляли. Как будто эсхатологический судья выделял преданных овец из числа обычных – вот только в этом случае овцы дрожали.

⁸ Имеется в виду стихотворение «Я не спешила к Смерти».

Мечты о нищете пробуждали в Беркли глобальное удовольствие в сочетании с надеждой, что политическая и экономическая ситуация ухудшится, превратив страну в руины, – в этом заключалась теория активистов. Несчастье такое огромное, что оно погубило бы каждого, в крахе увязли бы как виноватые, так и невинные. Мы были тогда и остаемся и поныне совершенно безумными. Быть безумным грамотно. Например, вам надо быть безумным, чтобы назвать свою дочь Гонерилья⁹. Как нам рассказывали на кафедре английского языка в Калифорнийском университете, для патронов театра «Глобус» безумие было смешным. Теперь оно не смешит. Дома вы великий художник, но здесь вы всего лишь автор сложной книги «Здесь подходит любой»¹⁰. Большое дело, подумала я. Совать свой длинный нос в чьи-то дела. И за это, как и за эту речь, мы платим хорошие деньги. Вы можете подумать, что столь долгая бедность могла бы научить меня уму-разуму и получше, будь все так. Сработал инстинкт самосохранения.

Я последний живой человек, кто знал епископа Калифорнийской епархии Тимоти Арчера, его любовницу и его сына – моего мужа, домовладельца и главы семьи для проформы. Кто-то должен начать – было бы лучше, если бы больше никто не пошел тем путем, который они прошли вместе, добровольно вызываясь на смерть, – каждый из них, как Парцифаль, законченный дурак.

⁹ Гонерилья – дочь короля Лира.

¹⁰ Имеется в виду книга Энтони Берджесса «Здесь подходит любой: введение в Джеймса Джойса для обыкновенного читателя» о романе Джойса «Поминки по Финнегану».

2

Дорогая Джейн Мэрион!

В течение двух дней два человека (один – знакомый редактор, другой – знакомый писатель) порекомендовали мне «Зеленый переплет». Оба, в сущности, сказали одно и то же: если я хочу знать, что происходит в современной литературе, то мне чертовски не помешало бы ознакомиться с вашей работой. Когда я принесла книгу домой (мне сказали, что первое эссе – самое лучшее и начать следует с него), я поняла, что в нем вы обратились к Тиму Арчеру. Так что я прочла его. Он внезапно ожил, мой друг. Это причинило мне ужасную боль, а не радость. Я не могу писать о нем, поскольку не писатель, хотя в Калифорнийском университете и специализировалась по английскому языку. Как бы то ни было, однажды я в качестве тренировки села и нацарапала фиктивный диалог между ним и мною – посмотреть, смогу ли я хоть как-нибудь уловить ритм его бесконечного потока речи. Я нашла, что это мне по силам, но, как и сам Тим, диалог оказался мертвым.

Иногда люди спрашивают меня, каким он был, но я не христианка и поэтому не сталкиваюсь со священниками часто, хотя раньше такое и бывало. Его сын Джефф был моим мужем, поэтому я знала Тима скорее как человека. Мы частенько разговаривали о теологии. Когда Джефф покончил с собой, я встречала Тима и Кирстен в аэропорту Сан-Франциско. Они на какое-то время вернулись из Англии, где встречались с официальными переводчиками Летописей саддукеев ¹¹ – именно в тот период своей жизни Тим и начал полагать, что Христос был подделкой и что подлинная религия была у секты саддукеев. Он спрашивал меня, как ему приступить к донесению этой вести до своей паствы. Это было еще до Санта-Барбары. Он скрывал Кирстен в простой квартирке в Злачном квартале Сан-Франциско. Туда были вхожи лишь очень немногие. Джефф и я, конечно, были в их числе. Помню, когда Джефф знакомил меня со своим отцом, Тим подошел ко мне и сказал: «Меня зовут Тим Арчер». Он не упомянул, что был епископом. Хотя и носил перстень.

Именно я приняла телефонный звонок о самоубийстве Кирстен. Мы еще не отошли после самоубийства Джеффа. Мне пришлось стоять и слушать, как Тим говорит мне, что Кирстен «только что ушла». Я смотрела на своего младшего брата, по-настоящему любившего Кирстен. Он собирал модель истребителя СПАД XIII из бальзового дерева – он знал, что звонит Тим, но, конечно же, не знал, что теперь Кирстен, как и Джефф, мертва.

*Тим отличался от всех, кого я когда-либо знала, в том отношении, что мог поверить во все что угодно и тут же стал бы действовать, исходя из своей новой веры – то есть до тех пор, пока не натолкнется бы на новую веру и не начал поступать согласно ей. Например, он был уверен, что психические заболевания сына Кирстен, бывшие весьма тяжелыми, вылечил бы медиком. Однажды, смотря интервью Тима, которое брал телеведущий Дэвид Фрост, я вдруг поняла, что он говорит обо мне и Джеффе... Однако между тем, что он говорил, и действительным положением дел не было никакой реальной связи. Джефф тоже смотрел, но он не понимал, что его отец говорит о нем. Подобно средневековым реалистам ¹², Тим верил, что слова являются реальными вещами. Если что-то можно облечь в слова, то *de facto* оно истинно. Это-то и стоило ему жизни. Меня не было в Израиле, когда он умер, но я ясно могу себе представить его изучающим карту в пустыне точно так же, как он смотрел бы на карту, купленную на заправочной станции в центре Сан-Франциско. Карта говорит, что если вы проедете «х» миль, вы прибудете на место «у», вследствие чего он заводит машину и*

¹¹ Религиозно-политическое течение в Иудее во II в. до н. э. – I в. н. э., как школа не оставило после себя каких-либо письменных памятников.

¹² Имеется в виду схоластический реализм, приписывавший действительность общим идеям.

проезжает «х» миль, зная, что «у» будет там: так сказано на карте. Человек, сомневавшийся в каждом догмате христианской доктрины, верил всему написанному.

Однако лично для меня событие, более всего его характеризовавшее, имело место однажды в Беркли. Джефф и я должны были встретиться с Тимом в условленном месте в условленное время. Тим подъехал с опозданием. Затем появился бежавший за ним взбеженный оператор бензоколонки. Тим заправился на его станции, а затем задним ходом проехал по насосу, расплющив его всмятку, после чего умчался, поскольку опаздывал на встречу с нами.

– Ты сломал мой насос! – проревел задыхающийся оператор совершенно вне себя. – Я вызову полицию! Ты смылся! Мне пришлось за тобой бежать!

Мне хотелось увидеть, скажет ли Тим этому человеку, крайне разгневанному, но в действительности занимающему весьма скромное положение в социальной иерархии, представителю низа лестницы, на которой Тим все-таки стоял на самом верху... так вот, мне хотелось увидеть, сообщит ли Тим ему, что он епископ Калифорнийской епархии, известен всему миру, числится в друзьях у Мартина Лютера Кинга-младшего, Роберта Кеннеди, что он влиятельный и знаменитый человек, в данный момент просто не облаченный в церковные одеяния. Тим не сообщил. Он кротко извинился. Через какое-то время оператору заправки стало понятно, что он имеет дело с тем, для кого не существует больших, ярко раскрашенных металлических насосов, что он имеет дело с человеком, который едва ли не буквально живет в другом мире. Этим другим миром было то, что Тим и Кирстен называли Другой Стороной, и шаг за шагом эта Другая Сторона втянула в себя их всех: сначала Джеффа, затем Кирстен и, неминуемо, самого Тима.

Порой я говорю себе, что Тим все еще существует, но теперь полностью в этом другом мире. Как там Дон Маклин выразил это в своей песне «Винсент»? «Этот мир не был предназначен для такого прекрасного, как ты». Прямо о моем друге – этот мир действительно не был реальным для него, и поэтому я считаю, что для него это был неправильный мир. Где-то совершили ошибку, и в глубине души он осознавал это.

Когда я вспоминаю о Тиме, то думаю:

А все мне чудится: гуляет Он в этих рощах, на лужок, Промокший от росы, ступает...¹³

Как это выразил Йетс.

Спасибо за вашу работу о Тиме, но на какой-то миг мне стало больно вновь увидеть его живым. Полагаю, это мера величия литературной работы, коль она может этого добиться.

Кажется, это было в романе «Контрапункт» Олдоса Хаксли, когда один из персонажей звонит другому и возбужденно восклицает: «Я только что нашел математическое доказательство существования Бога!» Будь это Тим, он на следующий же день нашел бы другое доказательство, противоречащее первому, и уверовал бы в него с такой же легкостью, как если бы он находился в цветнике и каждый цветок был новым и отличным от другого, а он по очереди открывал бы каждый и одинаково восхищался всеми, но забывал те, что были прежде. Он безусловно был верен своим друзьям. Тем, кого не забывал. Тем, кто были его постоянными цветами.

Странное в том, миссис Мэрион, что в некотором отношении я тоскую по нему больше, нежели по своему мужу. Возможно, он произвел на меня неизгладимое впечатление. Не знаю. Быть может, вы сможете объяснить мне, ведь вы писатель.

Искренне ваша,

Эйнджел Арчер.

Я написала это письмо известному автору «Нью-Йорк литерари истеблишмент» Джейн Мэрион, чьи эссе публикуются в лучших малотиражных журналах. Я не ожидала ответа и не получила такового. Быть может, ее издатель, которому я отправила письмо, прочел его и смах-

¹³ Йетс У. Б. Песня счастливого пастуха. Перевод Г. Кружкова.

нул в урну, уж не знаю. Эссе Мэрион о Тиме привело меня в бешенство – оно полностью основывалось на заимствованной информации. Мэрион не была знакома с Тимом, но все равно написала о нем. Она сказала о Тиме, что он «разрывал дружбу, когда это способствовало его целям», или что-то в подобном духе. Тим никогда в своей жизни не разрывал дружбу.

Та моя и Джеффа встреча с епископом была весьма важной. В двух отношениях: официальном и, как оказалось, неофициальном. Касательно официальной стороны, я предложила и намеревалась провести встречу, объединение, между епископом Арчером и моей подругой Кирстен Лундборг, представлявшей ФЭД в районе Залива. Феминистское эмансипационное движение хотело, чтобы Тим выступил перед ними с речью, и бесплатно. Они считали, что, как жена сына епископа, я могу с этим справиться. Излишне говорить, что Тим, по-видимому, не понимал всей ситуации, но это была не его вина. Ни Джефф, ни я не вводили его в курс дела. Тим полагал, что мы собираемся вместе пообедать в «Неудаче», об этом ресторане он уже слышал. Обед оплатил бы он, так как в тот год – да и, коли на то пошло, в предыдущий тоже у нас совсем не было денег. Как машинистка адвокатской конторы на Шаттук-авеню, я была предполагаемым кормильцем семьи. Адвокатская контора состояла из двух парней из Беркли, принимавших участие во всех движениях протеста. Они обеспечивали защиту в делах, касавшихся наркотиков. Их фирма называлась «Адвокатская контора и свечной магазин Барнса и Глисона» – они продавали свечи ручной работы или, по крайней мере, выставляли их. Это был способ Джерри Барнса оскорблять собственную профессию и давать понять, что в его намерения не входит получение какого-либо дохода. Что касается этой цели, то здесь он преуспевал. Помню, однажды благодарный клиент расплатился с ним опиумом – черным бруском, выглядевшим как плитка горького шоколада. Джерри совершенно не понимал, что с ним делать. В конце концов он кому-то его отдал.

Было интересно наблюдать, как Фред Хилл, агент КГБ, приветствует всех своих клиентов – как и положено хорошему владельцу ресторана, пожимая им руки и улыбаясь. У него были холодные глаза. Ходили слухи, что он имеет право убивать тех партийцев, кто проявлял упрямство. Тим едва ли обратил внимание на Фреда Хилла, когда этот сукин сын вел нас к столику. Я гадала, что сказал бы епископ Калифорнийский, если бы узнал, что человек, подававший нам меню, был, здесь, в США, русским под вымышленным именем, да еще офицером советской секретной службы. А может, все это было мифом Беркли. Как и в течение многих предшествующих лет, Беркли и параноя спали в одной постели. Конца войны во Вьетнаме было даже не видеть.

Никсону все же приходилось выводить американские войска. До Уотергейта пока еще было несколько лет. Государственные агенты рыскали по району Залива. Мы, независимые активисты, каждого подозревали в коварстве и не доверяли ни правым, ни Компартии США. Если в Беркли и было что-то, ненавидимое всеми без исключения, то это была вонь полиции.

– Привет, ребята, – сказал Фред Хилл. – Сегодня мясной суп с овощами. По бокалу вина, пока решаете?

Мы все трое хотели вина при условии, что оно не будет от калифорнийской компании «Галло», и Фред Хилл отправился за ним.

– Он полковник КГБ, – сообщил Джефф епископу.

– Очень интересно, – ответил Тим, внимательно изучая меню.

– Им и вправду мало платят, – вставила я.

– Это могло бы быть причиной, почему он открыл ресторан, – сказал Тим, оглядываясь на другие столики и клиентов. – Интересно, есть ли у них черноморская икра? – Взглянув на меня, он спросил: – Ты любишь икру, Энджел? Осетровую икру, хотя порой вместо нее подсовывают икру пинагора. Но обычно она красного цвета и крупнее. И много дешевле. Мне она не нравится – икра пинагора, естественно. В известном смысле, говорить «икра пинагора» – оксюморон. – Он засмеялся, скорее самому себе.

Черт, подумала я.

– Что-то не так? – спросил Джефф.

– Не понимаю, где Кирстен, – ответила я и посмотрела на часы.

Епископ заметил:

– Истоки феминистского движения можно найти в «Лисп страте». «Должны мы воздержаться от мужчин... – Он снова рассмеялся. – Засовами из дуба... – Он умолк, словно размышляя, продолжать ли, – загородили входы»¹⁴. Здесь игра слов. «Загородили входы» подразумевает как ситуацию неподчинения в целом, так и недопускание до влагалищ.

– Па, – произнес Джефф, – мы пытаемся определить, что заказывать, ладно?

Епископ ответил:

– Если ты имеешь в виду, что мы пытаемся решить, что нам съесть, то мое замечание вполне приемлемо. Аристофан его бы оценил.

– Ну-ну, – отозвался Джефф.

Вернулся Фред Хилл с подносом.

– Бургундское «Луи Мартини». – Он поставил три бокала. – Простите мне мое любопытство – вы ведь епископ Арчер?

Епископ кивнул.

– Вы принимали участие в марше доктора Кинга в Сельме.

– Да, я был в Сельме, – подтвердил епископ.

Я встряла:

– Расскажи ему свою шутку о влагалищах, – и обратилась к Фреду Хиллу: – Епископ знает неплохую шутку о влагалищах из старины.

Посмеиваясь, епископ Арчер пояснил:

– Она имеет в виду, что шутка из старины. Не запутайтесь с синтаксисом.

– Доктор Кинг был великим человеком, – продолжал Фред Хилл.

– Он был самым великим человеком, – ответил епископ. – Я буду сладкое мясо.

– Отличный выбор, – оценил Фред Хилл, записывая. – Позвольте мне также порекомендовать вам фазана.

– Я буду оscarовскую телятину, – определилась я.

– И я тоже, – сказал Джефф.

Он казался угрюмым. Я знала, что он не одобрял мое использование дружбы с епископом, чтобы добиться бесплатного выступления перед ФЭД или любой другой группировкой. Ему было известно, как легко вытянуть бесплатную речь из его отца. Он и епископ были одеты в темные шерстяные деловые костюмы, и Фред Хилл, известный агент КГБ и массовый убийца, конечно же, тоже был в костюме и при галстуке.

В тот день, сидя с ними, облаченными в деловые костюмы, я задумалась, а не примет ли Джефф духовный сан, как это сделал его отец. Оба выглядели серьезными, вкладывая в задачу выбора блюд ту же энергию и торжественность, что и в любое другое дело, но у епископа профессиональная поза как-то странно перемежевывалась с остроумием... Хотя, как и сейчас, остроумие никогда не производило на меня впечатления чего-то действительно правильного.

Пока мы ели суп, епископ Арчер рассказывал о предстоящем ему разбирательстве по обвинению в ереси. Он находил эту тему бесконечно восхитительной. Некоторые епископы «библейского пояса»¹⁵ всеми силами стремились свалить его, так как в нескольких своих опубликованных статьях и на проповедях в соборе Божественной Благодати он заявлял, что с апостольских времен никто ни разу не видел как собственных ушей Святого Духа. Из этого Тим заключил, что догмат о Троице ошибочен. Если бы Святой Дух и вправду был воплощением

¹⁴ Аристофан. Лисистрата. Перевод А. Пиотровского. Первую цитату епископ приводит не совсем точно.

¹⁵ Территория на Юге и Среднем Западе США с преобладанием приверженцев протестантского фундаментализма.

Бога, равным Иегове или Христу, то, несомненно, он до сих пор пребывал бы с нами. Речи на неведомых языках в состоянии экстаза его не убеждали. За годы служения епископальной церкви он повидал немало подобного, но расценивал это как самовнушение и слабоумие. Далее, скрупулезное изучение Деяний апостолов выявило, что апостолы на Троицын день, когда на них снизошел Святой Дух и наделил «даром говорения на языках», говорили на чужих языках, которые окружающие все же понимали. Это не глоссолалия, как это сейчас называют, но ксеноглоссия¹⁶. Пока мы ели, епископ фыркал над ловким ответом Петра на обвинение, что одиннадцать апостолов пьяны: громким голосом Петр провозгласил перед насмехающейся толпой, что невозможно, чтобы апостолы были пьяны, ибо было всего девять часов утра¹⁷. Между ложками супа епископ громко размышлял, что ход истории Запада мог бы быть совершенно иным, если бы девять было пополудни, а не до полудня. Джефф как будто скучал, а я поглядывала на часы и гадала, где же Кирстен. Может, она застряла в парикмахерской. Она вечно беспокоилась о своих белокурых волосах, особенно перед важными событиями.

Епископальная церковь верует в догмат Троицы, и если не принимать его безусловно и не проповедовать о нем, то быть священником или епископом этой церкви нельзя – ну, это называется Никейским символом веры:

*...И в Духа Святого, Господа, Животворящего, от Отца и Сына исходящего, с Отцом и Сыном покланяемого и прославляемого...*¹⁸

Так что епископ Макклари из Миссури был прав: Тим действительно совершил ересь. Однако, до того как стать пастором епископальной церкви, Тим был практикующим адвокатом. Он наслаждался предстоящим разбирательством по обвинению в ереси. Епископ Макклари знает Библию, знает каноническое право, но Тим напустит тумана, пока тот не перестанет отличать верх от низа. Тим все это знал заранее. Столкнувшись с судом, он оказался в родной стихии. Даже более того, Тим писал книгу о нем: он выиграет суд да к тому же и подзаработает денег. Статьи и даже передовицы на эту тему появились во всех газетах Америки. Осудить кого-либо за ересь в семидесятых годах двадцатого века и вправду было весьма затруднительно.

Слушая нескончаемо распространявшегося Тима, я вдруг подумала, что он намеренно совершил ересь, дабы навлечь на себя суд. По крайней мере, сделал это бессознательно. Это было, как говорится, ловким карьерным ходом.

– Так называемый дар говорения на языках, – бодро вещал епископ, – аннулирует единый язык, утраченный во время покушения на Вавилонскую башню, то есть покушения на ее строительство. В тот день, когда кто-нибудь из моей паствы проснется и заговорит на валлонском, – что ж, в тот день я уверую, что Святой Дух существует. Я не уверен, что он когда-либо существовал. Апостольская концепция Святого Духа основывается на древнееврейском «руах», духе Бога. Однако дух этот женский, не мужской. «Она» затрагивает мессианские ожидания. Христианство переняло эту идею у иудаизма, а когда в него обратилось достаточное количество язычников – неевреев, если вам угодно, – от концепции отказались, поскольку она все равно была значима лишь для евреев. Для новообращенных из эллинов она не имела какого бы то ни было смысла, хотя Сократ и утверждал, что у него есть внутренний голос, или даймон, который направляет его... Это дух-покровитель, не путайте со словом «демон», которое, конечно же, подразумевает несомненно злого духа. Эти два термина часто путают. Я еще успею выпить коктейль?

– У них здесь только пиво и вино, – ответила я.

¹⁶ Глоссолалия – явление, когда говорящий произносит бессмысленные слова и их сочетания, сохраняющие обычно лишь некоторые признаки речи. Ксеноглоссия – внезапно возникающая способность говорить на иностранных языках, в том числе давно исчезнувших или неизвестных ранее языках и наречиях древних цивилизаций.

¹⁷ Деяния 2:14. В русском синодальном переводе: «...ибо теперь третий час дня».

¹⁸ Здесь намеренное искажение догмата: Святой Дух исходит только от Отца.

– Мне надо позвонить, – сказал епископ. Он промокнул подбородок салфеткой, поднялся и огляделся. – Здесь есть телефон?

– Телефон есть на шевроновской заправке, – съехидничал Джефф. – Но если ты вернешься, то разнесешь еще один насос.

– Просто не понимаю, как это произошло, – начал объясняться епископ. – Я ничего не почувствовал и не увидел. Я узнал лишь, только когда... Альберс? Я записал его имя. Когда он предстал в истерике. Быть может, это-то и было манифестацией Святого Духа. Надеюсь, моя страховка не истекла. Всегда неплохо иметь автомобильную страховку.

– Говорил он отнюдь не на валлонском языке, – пошутила я.

– Это да, – откликнулся Тим. – Но он не был и вразумительным. Так что это могла быть глоссолалия, насколько я понимаю. Может, это свидетельство, что Святой Дух пребывает здесь. – Он снова уселся. – Мы чего-то ждем? – спросил он меня. – Ты все смотришь на часы. У меня только час, затем мне нужно опять в город. Препятствие, чинимое этой догмой, заключается в том, что она умаляет в человеке творческий дух. Альфред Норт Уайтхед одарил нас идеей Бога в процессе развития, а он является – или являлся – видным ученым. Теология процесса. Все это отсылает к Якобу Беме и его «нет-да» божеству, его диалектическому божеству, предвосхитившему Гегеля. Беме основывался на Августине. «Sic et non»¹⁹, вы слышали об этом. В латыни нет точного слова для «да». «Sic» как будто ближе всего, но в общем оно более правильно переводится как «так», «поэтому» или «в связи с этим». «Quod si hoc nunc sic incipiam? Nihil est. Quod si sic? Tantumdem egero. Et sic...»²⁰ – Он остановился, нахмурившись. – «Nihil est». В разделительном языке – лучший пример которого английский – это буквально означает «ничто есть». Конечно же, у Теренция имеется в виду «нет», с подразумеваемыми опущенными словами. И все же выражение из двух слов «nihil est» обладает огромным воздействием. Поразительная способность латыни – сжимать значения в весьма немногие возможные слова. Это плюс точность, безусловно, два ее самых замечательных качества. В английском, впрочем, много больший словарный состав.

– Па, – прервал его Джефф, – мы ждем подругу Эйнджел. Я говорил тебе о ней на днях.

– Non video, – ответил епископ. – Я говорю, что не вижу ее – «ее» должно подразумеваться. Смотрите-ка, тот человек хочет нас сфотографировать.

К нашему столику подошел Фред Хилл с зеркальным фотоаппаратом со вспышкой.

– Ваша светлость, вы не возражаете, если я вас сфотографирую?

– Давайте я сниму вас вместе, – сказала я, вставая, и посоветовала Хиллу: – Повесите фотографию на стену.

– Я не против, – отозвался Тим.

Кирстен Лундборг все-таки успела на обед. Она выглядела несчастной и усталой и долго не могла найти в меню чего-либо на свой вкус. Она заказала лишь бокал белого вина, ничего не ела, говорила очень мало, но курила одну сигарету за другой. На ее лице стали заметны морщины от переутомления. Тогда мы не знали, что у нее был легкий хронический перитонит, который мог привести – что и случилось очень скоро – к очень тяжелым последствиям. Едва ли она обращала на нас какое-либо внимание. Я полагала, что она впала в одну из своих периодических депрессий. В тот день я действительно не знала, что она была больна физически.

– Ты заказала бы хоть тост и яйцо всмятку, – проявил участие Джефф.

– Нет, – покачала головой Кирстен. – Мое тело пытается умереть, – добавила она немного погодя. Она не пожелала вдаваться в подробности.

¹⁹ «Да и Нет» – работа французского богослова Пьера Абеляра (1079–1142), разработка схоластической диалектики.

²⁰ «Вот с этого начать? Нет, нет! Вот так? И это тоже нет. //Ну так...» – реплика из комедии «Самоистязатель» римского драматурга Публия Теренция Афры (ок. 195–159 гг. до н. э.). Перевод А. Артюшкова.

Нам стало неловко. Я подумала, что она над этим и убивается. А может, и нет. Епископ Арчер смотрел на нее внимательно и с явным сочувствием. Мне стало интересно, не собирается ли он предложить ей возложение рук. Они делают это у себя в епископальной церкви. Скорость выздоровления вследствие этого не засвидетельствована ни в каких известных мне источниках, что, пожалуй, и к лучшему.

В основном она говорила о своем сыне Билле, которого из-за проблем с психикой не взяли в армию. Это, казалось, одновременно и радовало, и раздражало ее.

– Я удивлен, что у вас такой взрослый сын, уже подлежащий призыву, – заметил епископ.

С минуту Кирстен молчала. Ее черты, искаженные мукой, немного разгладились. Я ясно видела, что замечание Тима ее развеселило.

В этот период своей жизни она выглядела весьма привлекательно, но нескончаемые тяготы налагали свой отпечаток как на ее облик, так и на то эмоциональное впечатление, что она производила. Хотя я и восторгалась ею, я равным образом знала, что Кирстен никогда не упустит возможности выдать какое-нибудь жесткое замечание – недостаток, который она, по сути, отточила до таланта. Ее идея, судя по всему, заключалась в том, что при достаточной ловкости людей можно обижать и они это снесут, топорность же и грубость просто так с рук не сойдут. Это основано на искусстве владения словом. О вас судят, как о выступлениях конкурсантов, по уместности слов.

– Билл в этом возрасте только физически, – наконец ответила Кирстен. Но теперь она выглядела много бодрее. – Как там недавно сказал комик в программе Джонни Карсона? «Моя жена не пойдет к пластическому хирургу, она хочет настоящее». Я была в парикмахерской, поэтому и опоздала. Однажды, как раз когда мне нужно было лететь во Францию, мне сделали такую прическу, что – она улыбнулась – я выглядела как клоун. Все то время, что я была в Париже, я носила «бабушку»²¹ и всем говорила, что направляюсь в Нотр-Дам.

– Что такое «бабушка»? – спросил Джефф.

– Русская крестьянка, – ответил епископ Арчер.

Внимательно посмотрев на него, Кирстен сказала:

– Да, это так. Должно быть, я упомянула не то слово.

– Вы упомянули то слово, – успокоил епископ. – Название отреза материи, которым повязывают голову, происходит...

– О боже, – выдохнул Джефф.

Кирстен улыбнулась и пригубила вина.

– Я так понимаю, вы член ФЭД, – продолжил епископ.

– Я и есть ФЭД, – ответила Кирстен.

– Она – одна из его основательниц, – пояснила я.

– Знаете, у меня весьма строгий взгляд на аборты, – уведомил епископ.

– Знаете, – парировала Кирстен, – у меня тоже. В чем заключается ваш?

– Мы убеждены, что нерожденные обладают правами, которыми их наделил не человек, но Всемогущий Бог, – произнес епископ. – Право отбирать человеческую жизнь отвергается еще со времен десяти заповедей.

– Вот об этом я и спрошу вас. Как вы думаете, у человека остаются права, когда он или она умер?

– Простите? – не понял епископ.

– Ну, вы предоставляете им права до того, как они родились. Почему бы им не предоставлять те же права после того, как они умерли?

– На самом деле права после смерти у них все-таки есть, – заметил Джефф. – Без распоряжения суда вы не сможете воспользоваться трупом или органами, изъятыми у него для...

²¹ В английском языке слово «babushka» также имеет значение «косынка».

– Я пытаюсь доесть эту оscarовскую телятину, – прервала я, предвидя бесконечный спор впереди, который мог бы закончиться отказом епископа Арчера бесплатно выступить для ФЭД. – Можем мы поговорить о чем-нибудь другом?

Ничуть не смутившись, Джефф продолжил:

– Я знаю парня, который работает в конторе коронаера. Он рассказывал мне, что однажды они ворвались в отделение интенсивной терапии в... Забыл, какой больницы. Короче, женщина только что умерла, а они зашли и вырезали у нее глаза для трансплантации еще до того, как приборы прекратили регистрировать признаки жизни. Он сказал, что подобное происходит постоянно.

Какое-то время мы сидели молча – Кирстен потягивала вино, остальные ели. Епископ Арчер, однако, продолжал смотреть на Кирстен с сочувствием и беспокойством. Позже, не тогда, мне пришло в голову, что он почувствовал, что в скрытой форме она физически больна, почувствовал то, что мы все упустили. Возможно, это было результатом его пасторской заботы, но я замечала подобное за ним неоднократно: он улавливал чью-то нужду, когда никто больше – порой даже сам нуждающийся – не осознавал ее или же, если и осознавал, не удосуживался остановиться и проявить заботу.

– Я испытываю большой интерес к ФЭД, – мягко сказал он.

– Как и большинство людей, – ответила Кирстен, но теперь она казалась неподдельно довольной. – Епископальная церковь допускает рукоположение женщин?

– В священники? – уточнил епископ. – Этого еще нет, но грядет.

– То есть, как я понимаю, лично вы это одобряете.

– Безусловно, – кивнул он. – Я весьма активно интересуюсь осовремениванием норм для дьяконов мужского и женского пола... Что касается меня, в своей епархии я не позволю употребить слово «дьяконисса». Я настаиваю, чтобы как дьяконы-мужчины, так и дьяконы-женщины назывались дьяконами. Нормализация образовательных и воспитательных основ для дьяконов обоего пола позже сделает возможным рукополагать дьяконов-женщин в священники. Это представляется мне неизбежным, и я активно над этим работаю.

– Что ж, я действительно рада слышать это от вас, – сказала Кирстен. – Тогда вы заметно отличаетесь от католиков. – Она поставила свой бокал. – Папа...

– Епископ Римский, – прервал ее епископ Арчер. – Вот кто он на самом деле: епископ Римский. Римская католическая церковь. Наша церковь тоже католическая.

– Вы думаете, у них никогда не будет священников-женщин? – спросила Кирстен.

– Только когда настанет *Parousia*, – отвечивал епископ.

– Что это? – поинтересовалась Кирстен. – Вам придется простить мне мое невежество. У меня и вправду нет религиозного образования или наклонностей.

– И у меня тоже. Я лишь знаю, что, как выразился философ-идеалист Мальбранш, «не я дышу, но Бог дышит во мне». *Parousia* – Пришествие Христа. Католическая церковь, частью которой мы являемся, дышит, и дышит лишь посредством живительной силы Христа. Он – голова, а мы лишь тело. «И Он есть глава тела Церкви»²², как сказал Павел. Это представление известно еще с Древнего мира, и это представление, которое мы в силах постигнуть.

– Как интересно, – отозвалась Кирстен.

– Нет, правда. Интеллектуальные вопросы интересны, равно как и случайные факты – например, количество соли, добываемое одной шахтой. Тема, о которой я говорю, определяет не то, что мы знаем, но то, что мы есть. Мы живем Иисусом Христом. «Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что

²² К Колоссянам 1:18.

на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит»²³.

Голос епископа был низким и глубоким, говорил он ровно. Во время своей речи он смотрел прямо на Кирстен, и я видела ее ответный взгляд, взгляд едва ли не раненого – как будто она одновременно и хотела услышать, и не хотела, пребывая одновременно и в страхе, и под очарованием. Я слышала проповеди Тима в соборе Божественной Благодати множество раз, и сейчас он обращался к ней, единственной, с той же энергией, какой воздействовал на огромное количество людей. Все это было для нее.

Какое-то время все опять молчали.

– Многие священники все еще говорят «дьяконисса», – сказал наконец Джефф, неловко ерзая, – когда рядом нет Тима.

– Епископ Арчер, вероятно, более всех борется за права женщин в епископальной церкви, – сообщила я Кирстен.

– Как ни странно, я думаю, что слышала об этом, – ответила она. Повернувшись ко мне, она спокойно начала: – Интересно, считаешь ли ты...

– Я был бы рад выступить перед вашей организацией, – прервал ее епископ. – Именно за этим мы здесь и собрались. – Он вытащил из кармана пиджака свою черную записную книжку. – Давайте ваш телефон, обещаю позвонить вам в течение нескольких дней. Мне придется проконсультироваться с Джонатаном Грейвсом, викарным епископом, но уверен, у меня будет для вас время.

– Я дам вам оба своих номера – в ФЭД и домашний. Хотите ли вы... – Она заколебалась. – Хотите ли вы, чтобы я рассказала вам о ФЭД, епископ?

– Тим, – поправил епископ Арчер.

– Мы отнюдь не воинственны в смысле обычных...

– Я неплохо знаком с вашей организацией, – заявил епископ. – Я хочу, чтобы вы обдумали следующее. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто». Первое послание к Коринфянам, глава тринадцатая. Как женщины, вы находите свое место в мире из любви, а не из злобы. Любовь не ограничивается христианством, она не принадлежит одной лишь церкви. Если вы хотите победить нас, покажите нам любовь, а не презрение. Вера движет горы, любовь движет человеческие сердца. Люди, противостоящие вам, – люди, а не вещи. Ваши враги не мужчины, но невежественные мужчины. Не смешивайте мужчин с их невежеством. На это ушли годы, и уйдут еще. Не будьте нетерпеливыми и не ненавидьте. Сколько времени? – Внезапно обеспокоившись, он огляделся вокруг. – Вот. – Он протянул свою визитку Кирстен. – Позвоните мне. Я должен идти. Приятно было с вами познакомиться.

После этого он ушел. И только потом я осознала, внезапно осознала, что он забыл оплатить счет.

²³ К Колоссянам 1:15–17.

3

Епископ Калифорнийский выступил перед ФЭД и затем убедил их руководство пожертвовать две тысячи долларов в церковный фонд для борьбы с мировым голодом – действительно незначительная сумма и к тому же для похвального благого дела. Через какое-то время до Джеффа и меня дошла информация, что Тим неофициально встречается с Кирстен. Джефф был просто сражен. Я посчитала это смешным.

Джефф же не нашел ничего смешного в том, что его отец растряс ФЭД на две тысячи долларов. Он видел угрозу бесплатного выступления – этого не произошло. Он предвкушал трения и неприязнь между своим отцом и моей подругой Кирстен. Этого тоже не произошло. Джефф не понимал собственного отца.

Я узнала обо всем от Кирстен, а не от Тима. Через неделю после речи Тима у меня раздался телефонный звонок. Кирстен хотела пройтись со мной по магазинам в Сан-Франциско.

Если назначаешь свидание епископу, то не треплешься об этом всему городу. Кирстен потратила часы на возню с платьями, блузками, шляпками и юбками, переходя из одного магазина в другой, прежде чем хотя бы намекнула, что же происходит. Мое обещанное молчание было заблаговременно скреплено клятвами даже более изощренными, нежели клятвы розенкрейцеров. Она то и дело обращала все в шутку и оттягивала признание – казалось, до бесконечности. Мы уже были на пути в квартал Марина, прежде чем до меня дошло, на что она намекает.

– Если Джонатан Грейвс узнает, – заявила Кирстен, – Тиму придется уйти с должности.

Я даже не могла вспомнить, кто такой Джонатан Грейвс. Разоблачение казалось нереальным. Поначалу я думала, что она шутит, а затем решила, что у нее галлюцинации.

– «Кроникл» разместят это на первой странице, – серьезно продолжала Кирстен, – а на фоне процесса по обвинению в ереси...

– Боже мой! – воскликнула я. – Ты не можешь спать с епископом!

– Уже успела, – ответила она.

– Ты кому-нибудь еще рассказывала?

– Больше никому. Не уверена, стоит ли тебе говорить об этому Джеффу. Тим и я обсуждали это. Мы так и не решили.

Мы, подумала я. Ах ты разрушающая сука, подумала я. Чтоб потрахаться, ты разрушаешь всю жизнь мужчины – мужчины, который знал Мартина Лютера Кинга и Бобби Кеннеди, который формирует взгляды... Мои взгляды, чтоб никого больше не называть.

– Не тревожься ты так, – сказала Кирстен.

– И чья это была идея?

– Почему тебя это злит?

– Это была твоя идея?

Кирстен спокойно ответила:

– Мы это обсуждали.

Через мгновение я разразилась смехом. Кирстен, поначалу раздосадованная, присоединилась ко мне. Мы стояли на траве у самого залива, смеясь и держась друг за друга. На нас с любопытством поглядывали прохожие.

– У вас получилось? – наконец выдавила я из себя. – То есть как это было?

– Это было прекрасно. Но теперь он должен исповедаться.

– Это значит, что вы не можете заняться этим снова?

– Это значит лишь то, что он должен будет исповедаться снова.

– Ты собираешься отправиться в ад?

– Он собирается. Я – нет, – ответила Кирстен.

- И тебя это не беспокоит?
- Что я не собираюсь в ад? – хихикнула она.
- Сейчас мы должны быть взрослыми, – настаивала я.
- Да уж. Конечно, мы должны быть совершенно взрослыми. Мы должны ходить, как будто все нормально. Эго ненормально. То есть я вовсе не имею в виду, что это ненормально в смысле... ну, ты понимаешь.
- Как заниматься этим с козлом.
- Мне было интересно, есть ли для этого слово... когда занимаешься этим с епископом. «Епархия». Как сказал Тим.
- Епарх...й?
- Нет, епар-хи-я. Ты не так произносишь. – Нам приходилось держаться друг за друга, чтобы не упасть: мы все не могли перестать смеяться. – Это место, где он живет, или что-то в таком духе. О боже. – Она вытерла слезы, выступившие от смеха. – Всегда будь уверена, что произносишь «епар-хи-я». Это ужасно. Мы действительно собираемся отправиться в ад, прямо-мехонько в ад. Знаешь, что он мне разрешил? – Кирстен зашептала мне на ухо: – Я примеряла его мантию и митру... знаешь, шляпу с широкими полями. Первая дама-епископ.
- Ты могла и не быть первой.
- Я выглядела великолепно. Даже лучше, чем он. Я хочу, чтоб ты это увидела. Мы снимаем квартиру. Ради бога, никому не рассказывай особенно об этом, но он платит за нее из Дискреционного фонда.
- Из церковных денег? – уставилась на нее я.
- Слушай... – Кирстен снова выглядела серьезной, но не смогла сохранить это выражение лица и закрыла его руками.
- Разве это не противозаконно? – спросила я.
- Нет, не противозаконно. Фонд потому и называется Епископским дискреционным. Он может делать с ним что хочет. Я собираюсь устроиться к нему на работу в качестве... Мы еще не решили, но что-то вроде главного секретаря, как антрепренер, организовывать его выступления и поездки. Его рабочие дела. Я могу продолжать оставаться в организации... в ФЭД, я имею в виду. – Она какое-то время молчала, потом продолжила: – Проблемой может стать Билл. Я не могу ему рассказать, потому что он снова рехнулся. Мне не следует говорить это. Тяжелый фуговый аутизм с неполноценным мышлением, осложненный бредом отношения, плюс перемежающиеся кататонический ступор и эмоциональное возбуждение. Сейчас он в Павильоне Гувера в Стэнфорде. В основном для диагностики. В этом отношении на Западном побережье они лучшие. Диагноз вроде ставят четыре психиатра – трое из самой больницы и один со стороны.
- Мне так жаль, – только и могла я сказать.
- Это все из-за армии. Он боялся, что его призовут. Они обвинили его в симуляции. Что ж, ведь все это и есть жизнь. Ему все равно пришлось бросить школу. То есть я хочу сказать, ему и так пришлось бы это сделать. Его приступы всегда начинаются одинаково: он начинает плакать и перестает выносить мусор. Плач меня не особо беспокоит. Чертов мусор, это да. Он накапливается повсюду, мусор и отходы. И он не моется. Не выходит из квартиры. Не оплачивает счета за коммунальные услуги, так что ему отключают газ и электричество. И еще он начинает писать письма в Белый дом. Это единственная тема, которую Тим и я не обсуждали. Я и вправду обсуждаю это с очень немногими. Так что я полагаю, что смогу сохранить наш роман – мой роман с Тимом – в тайне, ведь у меня есть опыт хранения секретов. Ах нет, извини, это начинается с ним не с плача, это начинается с того, что он не может садиться за руль. Фобия вождения: он боится, что свернет с дороги. Сначала это накатывает на магистрали Ист-Шор, затем распространяется на все другие улицы, а потом он доводит себя до того, что боится дойти до магазина – в итоге не может купить еды. Но это уже не имеет значения, потому что к тому

времени он и так ничего не ест. – Она горестно замолчала. – У Баха есть кантата об этом, – наконец сказала она, пытаясь улыбнуться. – Строчка в «Кофейной кантате». О неприятностях с детьми. Они – сотня тысяч бед, что-то в таком духе. Раньше Билл играл эту чертову вещь. Очень мало кто знает, что Бах написал кантату о кофе, но он знал.

Какое-то время мы шли молча.

– Звучит, как будто... – начала я.

– Это шизофрения. Они испытывают на нем каждый появляющийся новый фенотиазин. Болезнь находит периодами, но они возникают все чаще. Он болеет дольше, и болеет тяжелее. Мне не следовало говорить тебе об этом. Это не твоя проблема.

– Да я не против.

– Похоже, – продолжила Кирстен. – Тим сможет сотворить глубокое духовное исцеление. Ведь Иисус лечил психически больных людей?

– Он вселил бесов в стадо свиней, – ответила я, – и все они бросились в пропасть.

– Довольно расточительно, – заметила Кирстен.

– Вероятно, их как-нибудь да съели.

– Если это были евреи, то вряд ли. В любом случае, кто захочет есть свиную отбивную, в которой заключен бес? Не надо было шутить так, но... Я поговорю с Тимом об этом. Но не сейчас. Думаю, у Билла это от меня. Я сама психованная, Бог свидетель. Я психованная и его сделала психованным. Я не перестаю наблюдать за Джеффом и отмечать разницу между ними. Они примерно одного возраста, и Джефф так хорошо воспринимает реальность.

– Пари на это не заключай, – отозвалась я.

– Когда Билл выйдет из больницы, я хотела бы познакомить его с Тимом. И я хотела бы познакомить его с твоим мужем, правда. Ведь они раньше не встречались?

– Нет. Но если ты считаешь, что Джефф может служить образцом для подражания, то я действительно не...

– У Билла очень мало друзей. Он необщительный. Я говорила о тебе и твоём муже. Вы оба его возраста.

Подумав об этом, я осознала всю ту бездну времени, что безумный сын Кирстен будет отравлять нашу жизнь. Эта мысль удивила меня. Она была совершенно лишена милосердия, поскольку в ее основе лежал страх. Я знала своего мужа, и я знала себя. Никто из нас не был готов браться за любительскую психотерапию. Однако Кирстен была прирожденным организатором. Она объединяла людей для хороших дел, хотя необязательно им на пользу.

В тот момент я испытывала чувство, что меня используют. В «Неудаче» я, по существу, была свидетельницей того, как епископ Арчер и Кирстен Лундборг используют друг друга в замысловатой сделке, но, несомненно, в сделке, которая приносила пользу им обоим. Во всяком случае, они так считали. Эта же, с ее сыном Биллом, виделась мне как явно односторонняя. Мы ничего с нее не получали.

– Дай мне знать, когда он выйдет, – сказала я. – Но я думаю, что Тим, с его профессиональной подготовкой, будет лучше...

– Не забывай про разницу в возрасте. Будет элемент отцовства.

– Может, оно и к лучшему. Может, это как раз то, что нужно твоему сыну.

Уставившись на меня, Кирстен изрекла:

– Работу по воспитанию Билла я выполнила превосходно. Его отец ушел из нашей жизни, и мы его даже не вспоминаем.

– Я вовсе не имела в виду...

– Я знаю, что ты имела в виду.

Кирстен буравила меня взглядом, и теперь она по-настоящему изменилась. Она была разгневана, черты лица исказила ненависть. Это старило ее. Это даже придавало ей физически больной вид. Она как-то обрюзгла, и мне стало неловко. Потом я подумала о тех свиньях, в

которых Иисус переселил бесов, о свиньях, бросившихся с обрыва. Это-то ты и делаешь, когда в тебя вселяется бес, подумала я. Ее теперешний вид – это знак, клеймо. Наверное, твой сын действительно унаследовал его от тебя.

Но сейчас положение вещей изменилось. Теперь она была любовницей моего свекра, потенциально его хозяйкой. Я не могла послать Кирстен куда подальше. Она была частью семьи, пускай и нелегально и даже безнравственно. Я была повязана с ней. От семьи одни напасти, думала я, и никакого счастья. И я смирилась с этим. Идея познакомить ее и Тима принадлежала мне. Плохая карма, подумала я, вернулась с другой стороны хлеба. Как говаривал мой отец.

Стоя там, на траве у залива Сан-Франциско, под лучами послеполуденного солнца, я ощутила тревогу. В некоторых отношениях она действительно безответственна и груба, сказала я себе. Она ворвалась в жизнь известного и уважаемого человека. Ее сын психически болен. Она ошетибилась словно животное. Теперь будущее епископа Арчера зависит от того, чтобы однажды она не пришла в ярость и не позвонила в «Кроникл» – его будущее зависит от длительности ее пребывания в состоянии доброжелательности.

– Давай вернемся в Беркли, – предложила я.

– Нет, – покачала головой Кирстен. – Мне еще нужно найти платье, которое я смогу надеть. Я приехала в Сан-Франциско ради покупок. Одежда для меня очень важна. Мне приходится заниматься ею, я часто показываюсь на публике и полагаю, что буду показываться еще чаще – теперь, когда я с Тимом. – Ее лицо все еще пылало яростью.

– Я вернусь на метро, – сказала я и пошла прочь.

– Она очень привлекательная женщина, – отреагировал Джефф тем же вечером на мой рассказ. – Учитывая ее возраст.

– Кирстен сидит на таблетках.

– Ты не знаешь этого наверняка.

– Я подозреваю. Эти ее изменения настроения. Я видела, как она принимает их. Колеса. Ты знаешь. Барбитураты. Снотворное.

– Каждый закидывается чем-нибудь. Ты куришь травку.

– Но я в здравом уме.

– Может, и не будешь, когда доживешь до ее лет. Плохо только вот с ее сыном.

– Плохо с твоим отцом.

– Тим с ней справится.

– Ему, возможно, придется нанять для нее убийцу.

Уставившись на меня, Джефф произнес:

– Что за чушь ты несешь!

– Она неуправляема. А что случится, когда узнает этот псих Скачущий Билл?

– Мне показалось, ты сказала...

– Он выйдет. Содержание в Павильоне Гувера стоит тысячи долларов. Не продержишься и четырех дней. Я знала людей, которые заходили к ним через парадный вход, а вылетали через черный. Кирстен не сможет содержать его там даже со всеми финансовыми средствами Калифорнийской епархии. Со дня на день он выскочит оттуда в рессорных башмаках-кенгуру, вращая глазами, – этого Тиму только и не хватало. Сначала я знакомлю ее с Тимом, затем она рассказывает мне о своем сыне-безумце. Однажды воскресным утром Тим будет читать проповедь в соборе Божественной Благодати, а этот псих вдруг встанет, и Бог наделит его даром говорения на языках – и это послужит концом карьеры самого выдающегося епископа Америки.

– Вся жизнь – это риск.

– Возможно, доктор Кинг именно это и сказал в последнее утро своей жизни. Все они, кроме Тима, так или иначе уже мертвы. Кинг мертв, Бобби Кеннеди и Джек Кеннеди мертвы.

Я подставила твоего отца. – Я поняла это в тот вечер, когда сидела со своим мужем в нашей маленькой гостиной. – Билл перестает мыться, он перестает выбрасывать мусор, он пишет письма – что еще ты хочешь узнать? Может, прямо сейчас он пишет письмо Папе. Может, к нему в палату через стену вошли марсиане и рассказали о его матери и твоём отце. Боже. И эту кашу заварила я. – Я полезла под диван за своей банкой из-под пива с травой.

– Не накуривайся, пожалуйста.

Ты беспокоишься обо мне, подумала я, когда безумие охватывает наших друзей.

– Один косяк, – ответила я. – Полкосяка. Я пыхну. Одну затяжку. Я просто посмотрю на косяк. Я притворюсь, что смотрю на косяк. – Я выудила пустую банку. Должно быть, я перепрятала свою заначку, сказала я себе. В более безопасное место. Помню, посреди ночи я решила, что меня собираются обокрасть чудовища. Входит Безумная Маргарет из «Руддигора», воплощение сценического безумия, или что там выражал Гилберт.

– Наверное, я все скурила, – объяснила я. И ведь не помню, подумала я, потому что вот что марихуана творит с вами: она убивает, на хер, вашу кратковременную память. Может, я выкурила пять минут назад и уже забыла.

– Ты напрашиваешься на неприятности, – изрек Джефф. – Мне нравится Кирстен. Думаю, все будет хорошо. Тим скучает по моей матери.

Тим скучает по траханью, сказала я себе.

– Она в самом деле чокнутая баба, – продолжила я вслух. – Мне пришлось возвращаться домой на черепашьем поезде. Это отняло два часа. Я собираюсь поговорить с твоим отцом.

– Нет, не собираешься.

– Я сделаю это. Я ответственная. Моя заначка за стереопроигрывателем. Я собираюсь совершенно убраться, позвонить Тиму и сказать ему, что... – Я заколебалась, и затем меня сокрушило ощущение тщетности этого. Мне захотелось разрыдаться. Я уселась и достала «клинекс». – Черт бы все это побрал. Жарить бекон²⁴ – не та игра, в которую полагается играть епископам. Если бы я знала, что он так считает...

– «Жарить бекон»? – удивленно переспросил Джефф.

– Меня пугает патология. Я чувствую патологию. Я чувствую, что высокопрофессиональные, ответственные люди губят свою жизнь в обмен на горячее тело, временно горячее тело. Я даже не чувствую, что тела остаются горячими, коли на то пошло. Я чувствую, все остывает. Подобную кратковременную связь можно заводить, только если сидишь на наркоте и мыслишь на часы вперед. Эти же люди обязаны мыслить на десятилетия вперед. На целые жизни вперед. Они встречаются в ресторане, принадлежащем Фреду Убийце – этому существу дурному предзнаменованию, этому призраку Беркли, вернувшемуся всех нас перебить, – а когда выходят оттуда, у них уже есть номера телефонов друг друга, дельце сделано. Я всего лишь хотела помочь движению в защиту прав женщин, но потом все меня надули, и ты в том числе. Ты был там. Ты видел, как это происходило. Я видела, как это происходило. Я была такая же сумасшедшая, как и все вы. Я предложила Фреду, агенту Советов, сфотографироваться с епископом Калифорнийской епархии – должно быть, они были в платьях, согласно моей логике. Беда с явно надвигающимся крахом в том... – Я вытерла глаза. – Боже, пожалуйста, помоги мне найти мою травку. Джефф, посмотри за приемником. Она в сумке Карла, белая такая сумка. Ладно?

– Ладно. – Джефф услужливо пошарил за проигрывателем. – Нашел, успокойся.

– Крах виден, но нельзя определить, откуда он идет. Он ведь навис, как облако. За кем там в «Малыше Эбнере» плавало облако? Знаешь, именно это ФБР и пыталось повесить на Мартина Лютера Кинга. Никсон обожает подобное дерьмо. Может, Кирстен – правительственный агент. А может, и я. Может, мы запрограммированы. Прости, что изображаю Кассандру в нашем совместном кино, но я вижу смерть. Я считала Тима Арчера, твоего отца, духовной

²⁴ То есть заниматься сексом, английское «basoon» на сленге означает «тело», а также «половые органы».

личностью. То, что он залезает... – Я оборвала себя. – Моя метафора отвратительна. Забудь. То, что он волочится за подобной женщиной, – это обычно для него? То есть это всего лишь факт, что я знаю об этом и устроила это? Напомни мне, чтобы я не ходила на мессу, чтобы я никогда этого не делала. Даже не представить, где побывали руки, протягивающие потир...

– Достаточно.

– Ну нет, я схожу с ума вместе с Бом-Бом-Биллом, Ползучей Кирстен и Больше-Не-Вялым-Тимом. И Джеффом Ничтожеством. Ты – ничтожество. Косяк уже свернут или мне придется жевать траву, как корове? Я не могу сейчас свернуть косяк, смотри... – Я протянула ему свои трясущиеся руки. – Это называется «большой эпилептический припадок». Позови кого-нибудь. Вали на улицу и раздобудь каких-нибудь колес. Я скажу тебе, что грядет: чья-то жизнь из-за всего этого вот-вот оборвется. Не из-за того «этого», что я творю прямо сейчас, а из-за «этого», что я натворила в «Неудаче» – весьма уместное название, кстати. Когда я умру, у меня будет выбор: головой из дерьма или головой в дерьмо. Дерьмо – вот подходящее слово для того, что я натворила. – Я начала задыхаться. Плача и хватая ртом воздух, я потянулась к косяку, который держал мой муж. – Прикури его, ты, болван. Я действительно не могу его сжевать, это расточительство. Надо сжевать пол-унции, чтобы убраться – мне, по крайней мере. Что там с остальным миром, бог его знает. Может, они и могут как-то убираться в любое время. Головой в дерьмо и чтобы никогда больше не могла накуриваться – вот чего я заслуживаю. И если бы я могла все вернуть назад, если бы я знала, как все вернуть назад, я бы сделала это. Полнейшая проницательность – вот мое проклятие. Я вижу и...

– Хочешь дойти до «Кайзера»? ²⁵

– Больницы? – уставилась я на него.

– Я имею в виду, что ты вышла из себя.

– И это все, что тебе дала полнейшая проницательность? Спасибо.

Я взяла косяк, который он раскурил, и затаилась. По крайней мере, теперь я не могла говорить. А очень скоро уже не буду понимать или соображать. Или даже помнить. Поставь «Вороватые пальцы», сказала я себе. «Роллингов». «Сестру Морфий». Когда я слушаю обо всех этих окровавленных простынях, это успокаивает меня. Жаль, что нет утешающей длани, возложенной мне на голову, подумала я. Я не из тех, кто собирается завтра умереть, хотя и следовало бы. Давайте любой ценой назовем самого невинного. Вот он-то и умрет.

– Из-за этой суки мне пришлось идти домой пешком. Из Сан-Франциско.

– Ты ведь доехала...

– Это все равно что пешком.

– Мне она нравится. Думаю, она хорошая подруга. Думаю, что она хорошо повлияет – а может, и уже повлияла – на папу. Тебе не приходило в голову, что ты ревнуешь?

– Что? – опешила я.

– Именно так. Я сказал, ревнуешь. Ты ревнуешь к роману. Тебе хотелось бы в нем поучаствовать. Я воспринимаю твою реакцию как оскорбление для себя. Тебе должно быть достаточно меня – достаточно нашего романа.

– Я пойду прогуляюсь.

– Оденсья только.

– Если бы у тебя глаза были там, где положено... Дай мне закончить. Я буду спокойна. Я скажу это спокойно. Тим не только религиозная фигура. Он говорит для тысяч людей как в церкви, так и вне ее – вне, возможно, даже больше. Ты в это врубаешься? Если он трахается, то падаем все мы. Обречены все мы. Он едва ли не единственный из оставшихся, остальные – мертвы. Штука заключается в том, что это не необходимо. Это уж как он решил. Он увидел и пошел прямо на это. Он не отступился и не боролся – он принял это. Ты думаешь, что это

²⁵ Имеется в виду клиника для малоимущих Фонда семьи Кайзера.

– то, что я чувствую, – только из-за того, что мне пришлось возвращаться домой на поезде? Они убирают общественных деятелей одного за другим, и теперь Тим сдастся, сдастся по собственной воле, без борьбы.

– А ты хочешь бороться. Со мной, если потребуется.

– Я вижу, ты тупец. Я вижу, все тупицы. Я вижу, глупость побеждает. Пентагон здесь ни при чем. Это тупость. Идти прямо на это и говорить: «Возьми меня, я...»

– Ревность, – ввернул Джефф. – Твоя психологическая мотивация в этом доме повсюду.

– У меня нет «психологической мотивации». Я всего лишь хочу увидеть кого-нибудь, когда закончится пожар. Кого-нибудь, кто не... – Я остановилась. – Потом не приходи и не говори, что мы ничего не могли поделать, потому что могли. И не говори мне, что это было полной неожиданностью. Епископ, завязавший роман с женщиной, с которой знакомится в ресторане, – это человек, который только что задним ходом наехал на бензонасос и счастливо смотался. И насос следовал за ним. Вот как это работает: ты плющишь насос какого-то парня, и он несется, пока не догонит тебя. Ты в машине, а он на ногах, но он разыскивает тебя, и вдруг – вот он здесь. Так-то. Это тот, кто гонится за нами, и он догонит. У него всегда это получается. Я видела того парня с бензоколонки. Он был безумен. Он так и собирался продолжать бежать. Они не сдаются.

– И теперь ты это понимаешь. Благодаря одному из своих лучших друзей.

– Это-то хуже всего.

Ухмыльнувшись, Джефф произнес:

– Я знаю эту историю. Это история Даблю-Си Филдса ²⁶. Там директор...

– А она уже и не несется, – продолжала я. – Она его догнала. Они снимают квартиру. Все, что требуется, – это любопытный сосед. Как насчет того епископа-деревенщины, что преследует Тима за ересь? Как бы он этим воспользовался? Если кто-то преследует тебя за ересь, трахаешь ли ты первую же бабу, с которой знакомишься за обедом? И покупаешь ли потом для квартиры? Слушай. – Я подошла к мужу. – Чем можно заняться, побывав епископом? Тим уже устал от этого? Он уставал от всего, за что бы ни брался. Он устал даже от алкоголизма. Он единственный безнадежный пьяница, который протрезвился из-за скуки, из-за малого объема внимания. Люди обычно сами напрашиваются на беду. И я вижу, что именно это мы теперь и делаем. Я вижу, что он устал и подсознательно говорит: «Какого черта, глупо каждый день рядиться в эти смешные одежды. Давайте-ка вызовем какое-нибудь человеческое страдание и посмотрим, что из этого выйдет».

Рассмеявшись, Джефф заявил:

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Ведьму из «Дидоны и Энея» Перселла.

– Что ты имеешь в виду?

– «Кто, как ворон мрачный клича, там, где Смерти есть добыча...» Прости, но...

– Ты тупой интеллектual из Беркли, – отрезала я. – В каком гребаном мире ты живешь? Не в том, где я, надеюсь. Цитирование каких-то древних стишков – вот что нас погубило. Так и сообщат, когда откапают наши кости. Твой папаша цитировал Библию в ресторане точно так же, как и ты сейчас. Хорошо бы тебе мне врезать, или мне тебе. Я буду рада, когда цивилизация рухнет. Люди лопочут строчки из книг. Поставь «Вороватые пальцы» – поставь «Сестру Морфий». Мне нельзя сейчас доверять проигрыватель. Сделай это для меня. Спасибо за косяк.

– Когда ты успокоишься...

– Когда ты проснешься, будет уже поздно.

Джефф склонился и стал искать пластинку, которую я хотела послушать. Он ничего не ответил. Он наконец рассердился. Недостаточно, чтобы было полезно, подумала я, да еще и не на того. Как и в моем случае. Раздавленные собственным гигантским интеллектом: рассужде-

²⁶ Даблю-Си Филдс (Уильям Клод Филдс, 1880–1946) – знаменитый американский актер и комик.

ния, обдумывания и ничегонеделание. Правят кретины. Мы скандалим. Колдунья из «Дидоны и Энея». Ты прав. «Белинда, дай мне руку, пала тьма, на груди усну твоей, успела б больше – Смерть берет меня...» Что еще она сказала? «Но теперь я рада ей». Вот дерьмо, подумала я. Это важно. Он прав. Совершенно прав.

Повозившись с проигрывателем, Джефф поставил «Роллингов».

Музыка успокоила меня. Немного. Но я все еще плакала, думая о Тиме. И еще потому, что они дураки. Дальше некуда. И что хуже всего, что все так просто. Что большего и нет.

Через несколько дней, все обдумав и приняв решение, я позвонила в собор Божественной Благодати и назначила встречу с Тимом. Он принял меня в своем кабинете, огромном и великолепном, находившемся в отдельном от собора здании. Обняв и расцеловав меня, он показал два древних глиняных сосуда, которые, как он объяснил, использовались в качестве масляных ламп на Ближнем Востоке более четырех тысяч лет назад. Наблюдая, как он обращается с ними, я подумала, что эти лампы, вероятно – а в общем-то, наверняка, – не принадлежат ему. Они принадлежат епархии. Я гадала, сколько же они стоят. Поразительно, что они уцелели за все эти годы.

– Очень любезно с твоей стороны, что ты уделил мне время, – начала я. – Я знаю, как ты теперь занят.

Судя по выражению лица Тима, он знал, почему я появилась в его кабинете. Он рассеянно кивнул, словно уделяя мне ту малую часть своего внимания, которой мог хоть как-то управлять. Я уже видела его отключенным подобным образом несколько раз. Какая-то часть его мозга внимала, но большая часть была наглухо закрыта.

Когда я закончила свою небольшую речь, Тим серьезно произнес:

– Павел, как ты знаешь, был из фарисеев. Для них строгое соблюдение мельчайших деталей Торы – Закона – было обязательным. Что, в частности, приводило к ритуальной чистоте. Но позже, после своего обращения, он узрел спасение не в Законе, но в *zadīqah* – в состоянии праведности, что несет Иисус Христос. Я хочу, чтоб ты села здесь рядом со мной. – Он помянул меня, раскрывая огромную Библию в кожаном переплете. – Ты знакома с главами четверовосьмь Послания к Римлянам?

– Нет, не знакома, – ответила я. И села рядом с ним. Я поняла, что меня ждет лекция. Проповедь. Тим встретил меня подготовленным.

– В пятой главе излагается фундаментальная предпосылка Павла, что мы спасаемся посредством благодати, а не деяний. – Затем он стал читать Библию, которую держал на коленях: – «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, – он бросил на меня внимательный взгляд, это был Тимоти Арчер-адвокат, – чрез Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией». И далее. – Его пальцы опустили по странице, губы зашевелились: – «Ибо, если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа». – Он перелистал страницы. – А, вот. Здесь. «Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве». – Он снова пролистал. – «Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» ²⁷. – Он взглянул на меня, – Это ведет к сути восприятия Павла. То, к чему действительно отсылает «грех», – это враждебность к Богу. Буквально данное слово означает «не попасть в цель» ²⁸, как если бы, например, ты пускала стрелу, а она не долетела, прошла слишком низко или улетела слишком высоко. То, что нужно чело-

²⁷ К Римлянам 5:1, 2, 17, 7:6, 8:1,2.

²⁸ Имеется в виду греческое слово «*hamartia*», которое в Новом Завете и переводится как «грех».

вечеству, что ему требуется, – это праведность. Только Бог обладает ею, и только Бог может предоставить ее человеку... Мужчине и женщине, я не имел в виду...

– Я понимаю.

– Восприятие Павла заключается в том, что вера, *pistis*, обладает способностью, абсолютной способностью, уничтожить грех. Из этого-то и исходит свобода от Закона. Уже не требуется верить, что спасение достигается следованием формально оговоренному кодексу – моральному кодексу, как его называют. Именно против такой точки зрения, согласно которой человек спасается приверженностью весьма запутанной и сложной системе морального кодекса, Павел и взбунтовался. Это была точка зрения фарисеев, и именно от этого он и отвернулся. Это-то и есть христианство, вера в Господа нашего Иисуса Христа. Праведность через благодать, а благодать исходит через веру. Я хочу прочесть тебе...

– Да, – прервала я его, – но в Библии говорится, что прелюбодействовать нельзя.

– Прелюбодеяние, – немедленно отреагировал Тим, – это сексуальная неверность со стороны человека, состоящего в браке. Я больше не женат, Кирстен уже не замужем.

– Вот оно что, – кивнула я.

– Седьмая заповедь. Которая относится к неприкосновенности брака. – Тим отложил Библию, прошел через комнату к огромным книжным полкам и выбрал том с синим корешком. Затем вернулся, открыл книгу и пролистал ее страницы. – Позволь мне процитировать слова доктора Герца, покойного главного раввина Британской империи. «Касательно седьмой заповеди. Исход, глава двадцатая, стих тринадцатый. “Прелюбодеяние. Суть презренное и богопротивное преступление”. Филон²⁹. Эта заповедь против супружеской неверности предостерегает мужа и равным образом жену от осквернения священного Соглашения о супружестве». – Дальше он прочитал про себя и затем закрыл книгу. – Думаю, Эйнджел, у тебя достаточно здравого смысла, чтобы понять, что Кирстен и я...

– Но это опасно, – настаивала я.

– Езда по мосту «Золотые Ворота» тоже опасна. Знаешь ли ты, что такси запрещено – запрещено самой таксомоторной компанией, а не полицией – ездить в левом скоростном ряду «Золотых Ворот»? Что они называют его рядом самоубийц. Если водителя поймают там, его уволят. Но люди ездят в левом ряду «Золотых Ворог» постоянно. Хотя это неудачная аналогия.

– Да нет, вполне удачная.

– Ты сама едешь в левом ряду «Золотых Ворот»?

Помолчав, я ответила:

– Иногда.

– А что, если бы я заявился к тебе, усадил и начал читать лекцию об этом? Не пришло бы тебе в голову, что я обращаюсь с тобой как с ребенком, а не со взрослым? Ты следишь за тем, что я говорю? Когда взрослый делает что-то, что ты не одобряешь, ты обсуждаешь этот вопрос с ним или с ней. Я охотно обсужу с тобой свои отношения с Кирстен хотя бы потому, что ты моя невестка, но еще более потому, что ты та, кого я знаю, о ком забочусь и кого люблю. Думаю, что вот это-то и есть основной термин. Это ключ к суждению Павла. «Агаре» по-гречески. На латыни – «*caritas*», из которого происходит наше «*caring*», «забота, беспокойство за кого-то». Как ты сейчас беспокоишься обо мне, обо мне и своей подруге Кирстен. Ты заботишься о нас.

– Именно так, – ответила я. – Поэтому я здесь.

– В таком случае забота для тебя важна.

– Да. Несомненно.

– Можешь называть это «агаре», можешь «*caritas*», «любовь» или «забота о другом человеке», но, как бы ты ни называла это... Позволь мне прочесть из Павла. – Епископ Арчер вновь

²⁹ Филон Александрийский (Филон Иудейский, ок. 25 г. до н. э. – 50 г. н. э.) – иудейско-эллинистический религиозный философ.

раскрыл свою огромную Библию. Он перелистывал страницы быстро, точно зная, какое место ему нужно. – Первое послание к Коринфянам, глава тринадцатая. «Если я имею дар пророчества и знаю...»

– Да, ты цитировал это в «Неудаче», – прервала я его.

– И я процитирую это снова, – сказал он оживленно. – «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы». А теперь послушай вот это. «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое» ³⁰.

Вдруг на его столе зазвонил телефон.

Епископ Арчер раздраженно отложил открытую Библию.

– Извини, – сказал он и направился к телефону.

Пока я ждала, когда он закончит разговор, я просмотрела отрывок, который он читал. Он был мне знаком, но по Библии короля Якова. Эта Библия, поняла я, была Иерусалимской ³¹. Прежде я ее никогда не видела. Я прочитала с того места, где он остановился.

Закончив разговор, подошел епископ Арчер.

– Я должен идти. Меня ждет епископ Африканский, его только что привезли из аэропорта.

– Здесь говорится, – заметила я, держа палец на стихе из его огромной Библии, – «мы видим как бы сквозь тусклое стекло».

– Здесь также говорится: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» ³². Я хотел бы обратить твоё внимание, что это суммирует *kerygma* ³³ Господа нашего Иисуса Христа.

– Что, если Кирстен всем расскажет?

– Думаю, ее можно считать здравомыслящей. – Он уже дошел до двери своего кабинета. Я машинально встала и пошла за ним.

– Она ведь сказала мне.

– Ты – жена моего сына.

– Да, но...

– Прости, но я действительно должен бежать. – Епископ Арчер закрыл и запер за нами кабинет. – Да хранит тебя Господь. – Он поцеловал меня в лоб. – Мы хотим пригласить тебя, когда устроимся. Кирстен сегодня нашла квартиру в Злачном квартале. Я ее еще не видел. Я предоставил поиски ей.

И он ушел, оставив меня стоять там. Он сделал меня по терминологии, дошло до меня. Я перепутала прелюбодеяние с блудом. Я таки забыла, что он адвокат. Я заходила в его огромный кабинет, имея что сказать, но так и не сказала. Я зашла умницей, а вышла дурой. И ничего между ними.

Быть может, если бы я не курила травку, то могла бы спорить лучше. Он выиграл, я проиграла. Нет. Он проиграл, и я проиграла. Мы оба проиграли. Вот дерьмо.

³⁰ 1-е к Коринфянам 13:2, 3, 8–11.

³¹ Библия короля Якова – перевод Библии на английский язык, сделанный в 1611 г. по указанию английского короля Якова I, официально признан американской протестантской церковью. Иерусалимская Библия – перевод Библии для католиков с латинского на современный английский язык, издана в 1966 г., названа по месту перевода.

³² 1-е к Коринфянам 13:12, 13.

³³ *Kerygma* (греч.) – наставление.

Я никогда не говорила, что любовь – это плохо. Я никогда не нападала на «агаре». Не в этом была суть, бл...ая суть. Не попадаться – вот суть. Привинтить ноги к полу – вот суть. К полу, который называется реальностью.

Когда я выходила на улицу, мне пришла в голову мысль: я выношу приговор одному из самых успешных людей в мире. Я никогда не буду известна так, как он. Я никогда не буду влиять на убеждения.

Я не сниму свой нательный крест, пока идет война во Вьетнаме, как это сделал Тим. Кто, бл..., я такая?

4

Некоторое время спустя Джефф и я получили приглашение навестить епископа Калифорнийского и его любовницу в их прибежище в Злачном квартале. Это оказалось своего рода вечеринкой. Кирстен состряпала канапе и закуску, с кухни доносился запах готовящегося ужина... Тим попросил меня отвезти его к близлежащему винному магазину, поскольку они забыли купить выпивку. Вино выбирала я. Тим стоял безучастно, словно погруженный в свои мысли, когда я расплачивалась с продавцом. Наверное, пройдя через Общество анонимных алкоголиков, можно научиться отключаться в винных магазинах.

В квартире же, в аптечке в ванной, я обнаружила объемистый пузырек дексамила, который обычно предназначен для длительных поездок. Кирстен жрет колеса? – спросила я себя. Стараясь не греметь, я взяла пузырек. На рецептурном ярлыке стояло имя епископа. Так-так, подумала я. С бухла на колеса. Разве об этом не должны предупреждать в «Анонимных алкоголиках»? Я спустила воду в унитазе, чтобы произвести какой-то шум, и, пока булькала вода, открыла пузырек и вытряхнула несколько таблеток себе в карман. Такие вещи делаешь автоматически, если живешь в Беркли. На это даже не обращают внимания. С другой стороны, в Беркли никто не хранит наркоту в ванной.

Некоторое время спустя мы сидели расслабившись в скромной гостиной. У всех, кроме Тима, была выпивка. На Тиме были красная рубашка и жатые слаксы. Он не выглядел как епископ. Он выглядел как любовник Кирстен Лундборг.

– Довольно милое местечко, – заметила я.

На обратном пути из винного магазина Тим рассказывал о частных детективах и как они шпионят за вами. Они прокрадываются в вашу квартиру, пока вас нет, и шарят по всем ящикам. Об этом можно узнать, приклеив волосок к каждой двери. Думаю, Тим увидел это в каком-нибудь фильме.

– Если приходишь домой и обнаруживаешь, что волосок исчез или порван, – наставлял он, пока мы шли от машины в квартиру, – то это значит, что за тобой следят. – Затем он поведал, как ФБР следило за доктором Кингом. В Беркли эту байку знал каждый. Я вежливо слушала.

В тот вечер в гостиной их тайного пристанища я впервые и услышала о Летописях саддукеев. Сейчас, конечно же, можно купить их полный перевод, выполненный Паттоном, Майерсом и Абре и изданный «Даблдей энкер». С проникнутым мистицизмом вступлением Хелен Джеймс, в котором саддукеи уподобляются и противопоставляются, например, кумранитам, которые предположительно были ессеями ³⁴, хотя этого так и не было доказано.

– Я считаю, – сказал Тим, – что они могут оказаться более важными, чем Библиотека из Наг-Хаммади ³⁵. Мы уже обладаем значительными и необходимыми сведениями о гностицизме, но ничего не знаем о саддукеях, за исключением того, что они были евреями.

– Какой примерно возраст саддукейских свитков? – поинтересовался Джефф.

– По предварительной оценке, они были написаны во втором веке до нашей эры, – ответил Тим.

– Тогда они могли вдохновить Иисуса, – предположил Джефф.

³⁴ Иудейская секта, существовавшая во 2-й половине II в. до н. э. – I в. н. э., одни из главных предшественников христианства. В 1947 г. в районе Мертвого моря в пещерах Кумрана были найдены рукописи одной из ессеистских общин.

³⁵ Обнаруженное в 1945 г. в районе египетского селения Наг-Хаммади собрание рукописных папирусов, содержащих тексты гностического христианства на коптском языке.

– Наверяд ли. В марте я полечу взглянуть на них в Лондон, и у меня будет возможность поговорить с переводчиками. Жаль, что к переводу не привлекли Джона Аллегро ³⁶. – Он немного рассказал о работах Аллегро по Кумранским рукописям, так называемым Свиткам Мертвого моря.

– Было бы интересно, – подключилась Кирстен, – если бы оказалось... – она заколебалась, – что Летописи саддукеев содержат христианский материал.

– Христианство и так основывается на иудаизме, – ответил Тим.

– Я имею в виду какие-нибудь особые высказывания, приписываемые Иисусу, – уточнила Кирстен.

– Чего-то такого, что объясняет разрыв в раввинской традиции, не существует, – начал Тим. – Некоторые идеи, считающиеся основополагающими для Нового Завета, можно найти еще у Гиллеля ³⁷. Затем, конечно же, Матфей понимал все сделанное и сказанное Иисусом как осуществление пророчеств Ветхого Завета. Матфей писал евреям, для евреев и, по существу, как еврей. Божественный план, изложенный в Ветхом Завете, доводится до завершения Иисусом. В его время термин «христианство» не употреблялся, в общем и целом апостольские христиане просто говорили о Пути. Так они подчеркивали его естественность и всеобщность. – Помолчав, он добавил: – Также существует выражение «слово Божие». Оно появляется в Деяниях, глава шестая. «И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме» ³⁸.

– А откуда происходит слово «саддукеи»? – поинтересовалась Кирстен.

– От Садока, первосвященника во времена Давида, – ответил Тим. – Он основал священническую династию саддукеев. Они были потомками Елеазара. Садок упоминается в Кумранских рукописях. Дайте-ка я еще посмотрю. – Он встал, чтобы достать книгу из все еще не распакованной картонной коробки. – Первая книга Паралипоменон, глава двадцать четвертая. «Бросали и они жребий, наравне с братьями своими, сыновьями Аароновыми, пред лицом царя Давида и Садока...» ³⁹ Вот где он упоминается. – Тим закрыл книгу. Это была другая Библия.

– Но теперь, я полагаю, мы узнаем много больше, – сказал Джефф.

– Да, я надеюсь, – согласился Тим. – Когда я буду в Лондоне. – Затем он, по своему обыкновению, резко переключил умственную передачу. – Я готовлю рок-мессу в соборе Божественной Благодати на это Рождество. – Внимательно глядя на меня, он спросил: – Что ты думаешь о Фрэнке Заппе?

Я потерялась с ответом.

– Мы бы организовали запись этой мессы, – продолжал Тим. – Так что ее можно было бы издать альбомом. Мне также рекомендовали Кэптэйна Бифхарга. И еще несколько других имен. Где я могу взять альбом Фрэнка Заппы, чтобы послушать?

– В магазине грампластинок, – ответил Джефф.

– Фрэнк Заппа – черный? – спросил Тим.

– Не думаю, что это имеет значение, – сказала Кирстен. – По мне, это устаревший пред-
рассудок.

– Я просто спросил, – ответил Тим. – В этой области я совершенно несведущ. Кто-нибудь из вас может что-то сказать о Марке Волане?

– Он мертв, – сообщила я. – Ты говоришь о «Ти Рекс».

– Марк Волан мертв? – спросил Джефф. Он выглядел изумленным.

³⁶ Джон Марко Аллегро (1923–1988) – английский филолог и кумрановед, в своих книгах ставивший под сомнение официальные взгляды на Библию и историю христианства.

³⁷ Гиллель Вавилонянин (75 г. до н. э. – 5 г. н. э.) – наиболее значительный талмудист эпохи Второго Храма еврейской истории.

³⁸ Деяния 6:7.

³⁹ 1-й Паралипоменон 24:31.

– Может, я ошиблась, – ответила я. – Я предлагаю Рэя Дэвиса. Он пишет материал для «Кинкз». Он очень хорош.

– Вы не займетесь этим для меня? – попросил Тим, обращаясь ко мне и Джеффу.

– Я даже не знаю, как к этому приступить, – пожалала я плечами.

Кирстен спокойно изрекла:

– Я позабочусь об этом.

– Ты могла бы пригласить Пола Кантнера и Трейси Слик, – посоветовала я. – Они как раз живут в Болинасе в округе Марин.

– Я знаю, – спокойно кивнула Кирстен с выражением полнейшей уверенности.

Чушь, подумала я. Ты даже понятия не имеешь, о ком я говорю. Ты уже главная, едва только устроившись в этой квартире. Если это можно назвать квартирой.

Тим продолжал:

– Я бы хотел, чтобы в соборе спела Дженис Джоплин.

– Она умерла в семидесятом, – сказала я.

– Тогда кого вы порекомендуете вместо нее? – спросил Тим. Он ждал ответа.

– Вместо Дженис Джоплин, – повторила я. – Вместо Дженис Джоплин. Мне надо это обдумать. Я и вправду не могу так сразу сказать. Мне нужно какое-то время.

Кирстен посмотрела на меня со смешанным выражением лица. Более всего с неодобрением.

– Думаю, она хочет сказать, – произнесла она, – что никто не может и никогда не сможет занять место Джоплин.

– Где бы мне достать одну из ее пластинок? – спросил Тим.

– В магазине грампластинок, – ответил Джефф.

– Ты не купишь мне? – попросил его отец.

– У меня и Джеффа есть все ее пластинки, – заявила я. Их не так уж и много. Мы принесем.

– Ральф Мактелл, – изрекла Кирстен.

– Мне надо записать все эти предложения, – сказал Тим. – Рок-месса в соборе Божественной Благодати привлечет огромное внимание.

Я подумала: ведь нет музыканта по имени Ральф Мактелл ⁴⁰. Кирстен многозначительно улыбалась из угла комнаты. Она сделала меня. Так или иначе, я не могла быть уверена.

– Он издается на «Парамаунте», – объяснила Кирстен. Ее улыбка стала шире.

– Я в самом деле надеялся заполучить Дженис Джоплин, – сказал Тим, скорее самому себе. Он выглядел озадаченным. – Этим утром я услышал ее песню – может, ее написала не она – по радио в машине. Она же черная, нет?

– Она белая, – ответил Джефф, – и она мертва.

– Надеюсь, кто-нибудь все это запишет, – произнес Тим.

Увлечение моего мужа Кирстен Лундборг не началось в какой-то особый момент определенного дня – по крайней мере, насколько я поняла. Поначалу он защищал ее, говоря, что эпизоду она лишь во благо. Ей доставало практического реализма, чтобы сдерживать их обоих, не давая воспарять до седьмого неба. В оценке подобных вещей необходимо отличать свою осведомленность от того, о чем вы осведомлены. Я могу сказать, когда заметила это, но это все, что я могу сказать.

Принимая во внимание ее возраст, Кирстен все еще удавалось испускать довольно приличное количество сексуально стимулирующих волн. Именно так Джефф и обратил на нее внимание. С моей точки зрения, она оставалась старой подругой, которая теперь, в силу ее

⁴⁰ Такой музыкант действительно был: Кирстен имела в виду Ральфа Мактелла (наст. Ральф Мэй, род. 1944), английского певца и гитариста, в 60-х годах прошлого века бывшего значительной фигурой на британской фолк-сцене.

отношений с епископом Арчером, превосходила меня по рангу. Степень эротической соблазнительности в женщине мне неинтересна – я не западаю одновременно на мужиков и баб, как говорится. Для меня это не представляет опасности. Если, конечно же, не замешан мой муж. Но тогда проблема заключается в нем.

Пока я трудилась в адвокатской конторе – свечной лавке, присматривая за тем, чтобы наркоторговцы избавлялись от неприятностей так же быстро, как в них и влипали, Джефф загружал свою голову рядом курсов в Калифорнийском университете. Мы в Северной Калифорнии тогда еще не докатились до того, чтобы предлагать обзорные курсы по сочинению собственных мантр – это было за Югом, презируемым в районе Залива едва ли не каждым. Нет, Джефф записался на серьезную программу: возведение бедствий современной Европы к Тридцатилетней войне, опустошившей Германию (приблизительно 1648 г.), подорвавшей Священную Римскую империю и увенчавшейся взлетом нацизма и гитлеровского Третьего рейха.

Помимо курсов Джефф развивал собственную теорию относительно корней всего этого. Во время чтения трилогии Шиллера о Валленштейне к нему пришло интуитивное озарение, что, не увлекайся этот великий полководец астрологией, дело империи восторжествовало бы и, как результат, Вторая мировая война никогда бы не произошла.

Третья пьеса трилогии Шиллера, «Смерть Валленштейна», взволновала моего мужа особенно. Он расценивал ее как равную любой шекспировской и много выше, чем большинство чьих-либо других. Причем, за исключением его самого, ее никто не читал – по крайней мере те, с кем он мог поговорить. По его мнению, Валленштейн является одной из главных загадок истории Запада. Джефф обратил внимание, что Гитлер, как и Валленштейн, в критические моменты полагался больше на оккультное, нежели на здравый смысл. Согласно Джеффу, все это сводится к чему-то значительному, однако он не мог постигнуть, к чему же именно. У Гитлера и Валленштейна было столько общих черт – утверждал Джефф, что их сходство граничило со сверхъестественным. Оба были великими, но эксцентричными полководцами, и оба до основания разрушили Германию. Джефф надеялся написать работу об этих совпадениях, в которой из фактов выводилось бы заключение, что отказ от христианства в угоду оккультному ведет ко всемирному краху. Иисус и Симон Волхв (как это виделось Джеффу) являют собой полную и явную биполярность.

Что мне было до этого?

Понимаете, вот до чего доводит вечное хождение в школу. Пока я надрывалась в адвокатской конторе – свечной лавке, Джефф в библиотеке Калифорнийского университета в Беркли читал все подряд о, например, битве при Лютцене (16 ноября 1932 г.), где решилась судьба Валленштейна. Густав II Адольф, король Швеции, погиб в ходе нее, но шведы все равно победили. Подлинное значение этой битвы заключается, конечно же, в том, что никогда вновь католические силы уже не получают возможности сокрушить протестантское дело. Джефф, однако, рассматривал ее лишь относительно Валленштейна. Он читал и перечитывал шиллеровскую трилогию и пытался восстановить по ней – а также по более точным историческим источникам – тот определенный момент, когда Валленштейн потерял связь с реальностью.

– Это как с Гитлером, – объяснял мне Джефф. – Можно ли сказать, что он был безумным всегда? Можно ли сказать, что он был совершенно безумным? И если он был безумным, но не всегда, то когда он сошел с ума и что послужило причиной этого? С чего удачливый человек, обладающий действительно огромным могуществом, потрясая огромным могуществом, могуществом вершить человеческую историю, – с чего его так снесло? Ладно, в случае Гитлера, возможно, была параноидная шизофрения и те инъекции, что делал ему врач-шарлатан. Но в случае Валленштейна подобных факторов не было.

Кирстен, будучи норвежкой, проявляла благожелательный интерес к озабоченности Джеффа кампанией Густава II Адольфа в Центральной Европе. В перерывах между шведскими анекдотами она обнаружила изрядную гордость за ту роль, что великий король протестантов

сыграл в Тридцатилетней войне. Также она знала кое-что об этом, что было неизвестно мне. Она и Джефф сходились во мнении, что Тридцатилетняя война была, вплоть до Первой мировой, самой ужасной войной со времен разграбления Рима гуннами. Тогда Германия пала до каннибализма. Солдаты обеих сторон регулярно насаживали тела на вертела и зажаривали их. Учебники Джеффа намекали на даже большие мерзости, слишком отталкивающие, чтобы подробно их описывать. Ужасным было все связанное с тем периодом времени и местом действия.

– Мы до сих пор, даже сегодня, – заявил Джефф, – расплачиваемся за ту войну.

– Да, полагаю, она действительно была чудовищной, – согласилась я, расположившись в углу нашей гостиной и почитывая свежий комикс о Говарде Даке.

– Кажется, тебе не особенно интересно, – обиделся Джефф.

Бросив на него взгляд, я ответила:

– Я устала от возни с освобождением торговцев героином. К поручителю всегда посылают только меня. Извини, но я не воспринимаю Тридцатилетнюю войну так же серьезно, как ты и Кирстен.

– Все тесно связано с Тридцатилетней войной. А Тридцатилетняя война тесно связана с Валленштейном.

– Что ты будешь делать, когда они поедут в Англию? Твой отец и Кирстен.

Он уставился на меня.

– Она тоже едет. Она сама мне сказала. Они уже основали то агентство, «Фокус центр», где она на должности его агента или кого там еще.

– Черт побери! – резанул Джефф.

Я вернулась к чтению Говарда Дака. Как раз был эпизод, где пришельцы превращают его в Ричарда Никсона. Обоюдно Никсон обрастает перьями во время обращения к нации по телевидению. Так же как и начальство в Пентагоне.

– И сколько они собираются отсутствовать? – спросил Джефф.

– Пока Тим не постигнет значения Летописей саддукеев и какое отношение они имеют к христианству.

– Черт! – только и сказал Джефф.

– Что такое «Q»? – поинтересовалась я.

– «Q», – повторил Джефф.

– Тим сказал, что предварительные отчеты, основанные на фрагментарных переводах некоторых летописей...

– «Q» – это гипотетический источник Синоптических Евангелий ⁴¹. – Ответ прозвучал ожесточенно и грубо.

– А что такое Синоптические Евангелия?

– Первые три Евангелия – от Матфея, Марка и Луки. Они предположительно происходят из одного источника, вероятно арамейского. Никто так и не смог это доказать.

– Понятно. Тим сказал мне по телефону недавно вечером, когда ты был на занятиях, что переводчики в Лондоне считают, будто Летописи саддукеев содержат не просто «Q», но материал, на котором основан «Q». Они не уверены. Тим казался очень возбужденным, прежде я его даже не знала таким.

– Но Летописи саддукеев датируются двумя столетиями до нашей эры.

– Наверное, поэтому он и был так возбужден.

Джефф заявил:

– Я хочу поехать с ними.

– Ты не можешь.

⁴¹ От немецкого «Quelle» – «источник».

– Почему нет? – поднял он голос. – Почему мне не поехать, если она едет? Я его сын!

– Он и так злоупотребляет Епископским дискреционным фондом. Они собираются пробыть там несколько месяцев. Это обойдется в кучу денег.

Джефф вышел из гостиной. Я продолжала читать. Через некоторое время я осознала, что до меня доносится какой-то странный звук. Я опустила своего Говарда Дака и прислушалась.

На кухне, в темноте и одиночестве, плакал мой муж.

Из всех сообщений о самоубийстве моего мужа, которые я читала, самое странное и ошеломляющее гласило, будто он, Джефф Арчер, сын епископа Тимоти Арчера, покончил с собой из страха, что был гомосексуалистом. В какой-то книге, написанной три года спустя после его смерти – когда все трое уже были мертвы, – факты были так извращены, что после ее прочтения (я даже не помню ее названия и автора) представление о Джеффе, епископе Арчере и Кирстен Лундборг становилось даже меньше, нежели до ознакомления с ней. Это как в теории информации, когда шум вытесняет сигнал. Но этот шум выдается за сигнал, так что его даже нельзя распознать как шум. В разведке это называется дезинформацией, что-то такое, чему СССР весьма доверяет. Если вы сможете запустить в обращение достаточно дезинформации, вы полностью разрушите связь каждого с реальностью – возможно, включая и вашу собственную.

У Джеффа было два взаимоисключающих взгляда на любовницу своего отца. С одной стороны, она сексуально возбуждала его и поэтому весьма привлекала – может, даже слишком. С другой – он испытывал к ней отвращение и ненавидел ее за, как он полагал, его вытеснение из интересов и привязанностей Тима.

Но даже этим дело не ограничивалось... Хотя я так и не разглядела остального, пока не прошли годы. Помимо ревности к Кирстен Джефф ревновал... ах, Джефф так напортачил, что я действительно не могу распутать. Необходимо принимать во внимание ту специфичную проблему, каково это – быть сыном человека, чьи портреты появляются на обложках «Тайм» и «Ньюсуик», которого интервьюирует Дэвид Фрост и приглашает в свою программу Джонни Карсон, на которого рисуют политические карикатуры в крупных газетах – что, во имя святого, вам делать как сыну?

Джефф присоединился к ним в Англии на одну неделю, и относительно этого периода мне мало что известно. Он вернулся молчаливым и замкнутым, и именно тогда он переехал в гостиничный номер, где однажды поздно вечером и выстрелил себе в лицо. Я не собираюсь распространяться относительно собственных чувств об этом способе самоубийства. Из-за него епископ действительно вернулся из Лондона в течение нескольких часов, что в определенном смысле и было целью самоубийства.

По-настоящему бесспорно то, что оно случилось из-за «Q», точнее, из-за источника «Q», ныне упоминаемого в газетных статьях как «U. Q.», то есть «Ur-Quelle» на немецком – «Подлинный источник». «Ur-Quelle» предшествует «Q», что и было причиной проживания Тимоти Арчера в Лондоне в течение нескольких месяцев в гостинице со своей любовницей, якобы его деловым агентом и главным секретарем.

Никто и не предполагал, что предшествующие «Q» источники вновь явятся миру, – никто даже не знал, что «U. Q.» вообще существует. Поскольку я не христианка – и уж никогда ею не стану, после всех этих смертей людей, которых я любила, – то ни сейчас, ни тогда не особенно интересовалась этим, но, полагаю, в отношении теологии это крайне важно, особенно ввиду того, что «U. Q.» датируется двумя столетиями до Рождества Христова.

5

Больше всего мне запомнилось, по первым появившимся газетным статьям – где было первое указание для нас, вообще для всех (переводчики, естественно, знали больше), на то, что находка даже более важна, чем Кумранские рукописи, – особенное древнееврейское существительное. Его писали двояко: иногда как «энохи», а иногда как «анохи».

Данное слово встречается в Исходе, глава двадцатая, стих второй. Это крайне волнующий и важный момент Торы, ибо здесь говорит сам Бог, и говорит Он: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства».

В древнееврейском написании первым словом стоит «энохи», или «анохи», и означает оно «Я» – как в «Я Господь, Бог твой». Джефф показал мне официальный иудейский комментарий к этой части Торы: «Бог, почитаемый в иудаизме, суть не безликая Сила, Оно, упоминаемое как “Сущность” или “Мировой Разум”. Бог Израилев суть Источник не только мощи и жизни, но и сознания, личности, внутренних устремлений и этических деяний».

Даже меня, нехристианку – или, я полагаю, мне следует сказать «нееврейку», – это потрясло. На меня влияют, меня изменяют. Я не одна и та же. Джефф объяснил мне, что этим единственным словом, одной буквой английского алфавита, здесь выражается не имеющее себе равных самосознание Бога: «Как человек возвышается над всеми другими тварями своею волею и сознательными поступками, так и Бог правит над всем едиными, совершенно сознательными Разумом и Волею. Как в зримом, так и незримом царствах Он обнаруживает Себя безусловно свободной личностью, моральной и духовной, предоставляющей всему свое наличие, форму и назначение».

Это написал Сэмюель М. Кохон, цитируя Кауфманна Кохлера ⁴². Другой еврейский автор, Герман Коген ⁴³, писал: «Бог отвечал ему так: “Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам” ⁴⁴. Вероятно, в духовной истории нет большего чуда, нежели то, что показано в этом стихе. Ибо здесь, пока еще не наделенный какой-либо философией, первозданный язык появляется и сбивчиво декларирует самое глубокое слово вообще всей философии. Имя Бога есть “Я есмь Сущий”. Это значит, что Бог есть Существо, Бог есть “Я”, что указывает на Сущестующего».

⁴² Кауфман Кохлер (1843–1926) – американский раввин-реформатор и теолог.

⁴³ Герман Коген (1842–1918) – немецко-еврейский философ-идеалист.

⁴⁴ Исход 3:14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.